

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

2019 Том 6 № 3

DOI 10.22363/2312-8313-2019-6-3

Научный журнал

Издается с 2014 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ
С.А. Семенов,

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В.А. Федоров,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ СЕРИИ

Е.В. Лылова,

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики»

Вертински И. – профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии, Ванкувер (Канада)

Вольманн Х. – PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта (Германия)

Ворончук Инесса – доктор экономических наук, профессор, глава Департамента публичного администрирования Факультета экономики и менеджмента Латвийского университета (Латвия)

Корнилов М.Я. – доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Кочегура А.П. – доктор философии (PhD), член Европейской ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA), эксперт Европейской комиссии и Всемирного банка, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Марголин А.М. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Прокофьев С.Е. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заместитель руководителя Федерального казначейства Российской Федерации

Сорокин Д.Е. – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой макроэкономики и макроэкономического регулирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, первый заместитель директора Института экономики РАН

Столяров Н.С. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Хоппе Р. – PhD, профессор политики и знаний Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления (Нидерланды)

Цвык В.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этики, декан факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Шедлер К. – профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена (Швейцария)

Шульц Д. – профессор кафедры политических наук Университета Хэмли (США), главный редактор журнала Public Affairs Education (JPAE)

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

4 выпуска в год

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions, East View, EBSCOhost.

Цель и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов», серия «Государственное и муниципальное управление» – специализированное научное издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основными рубриками журнала являются: «Государственное управление: теория и практика», «Зарубежный опыт управления», «Становление и развитие местного самоуправления в России», «Культура управленческой деятельности», «Антология государственного управления» и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов и практиков, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>.

Электронный адрес: pubadmj@rudn.ru.

Литературный редактор К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова
Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Подписано в печать 03.07.2019. Выход в свет 15.07.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 7,47. Тираж 500 экз. Заказ № 1110. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2019

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2019 Volume 6 Issue 3

DOI 10.22363/2312-8313-2019-6-3

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

EDITOR-IN-CHIEF

S.A. Semenov,
PhD, Associate Professor, Head
of Public Administration Department
of Faculty of Humanities
and Social Sciences, Peoples'
Friendship University of Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Fedorov,
D.Sc (Philosophy), Professor,
Professor of Public Administra-
tion Department of Faculty
of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University
of Russia

EXECUTIVE SECRETARY

E.V. Lylova,
PhD, Senior Lecturer of Public
Administration Department
of Faculty of Humanities
and Social Sciences, Peoples'
Friendship University of Russia

EDITORIAL BOARD

Barabashev A.G. – D.Sc (Economics), Professor, Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics

Vertinsky I. – Professor, Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia, Vancouver (Canada)

Wollmann H. – PhD, Professor of Public Administration and Public Policy of the Berlin Humboldt University (Germany)

Voronchuk I. – D.Sc (Economics), Professor, Head of Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University (Latvia)

Kornilov M.Ya. – D.Sc (Economics), Professor of Public Administration Department of Faculty of Humanities and Social Sciences

Kotchegura A.P. – PhD, a member of the European Association of Professionals in Public Administration (EGPA), Expert of the European Commission and the World Bank, Senior Lecturer of Public Administration Department of Faculty of Humanities and Social Sciences Peoples' Friendship University of Russia

Margolin A.M. – D.Sc (Economics), Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Prokofiev S.E. – D.Sc (Economics), Professor, Head of State Public Administration Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Deputy Head of the Federal Treasury of the Russian Federation

Sorokin D.E. – D.Sc (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Macroeconomics and Macroeconomic Regulation of the Financial University under the Government of the Russian Federation, First Deputy Director of the Institute of Economics

Stolyarov N.S. – D.Sc (Economics), Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Professor of Public Administration Department of Faculty of Humanities and Social Sciences Peoples' Friendship University of Russia

Hoppe R. – PhD, Professor of Politics and Knowledge of the School of Management and Governance, Department of Science, Technology and Police Studies of University of Twente (Netherlands)

Tsyvk V.A. – D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Ethics Department, Dean of Faculty of Humanities and Social Sciences Peoples' Friendship University of Russia

Schedler K. – Professor, Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen (Switzerland)

Schultz D. – Professor of Political Science, University of Hamlin (USA), Editor in Chief of Public Affairs Education (JPAE)

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, World-Cat, Cyberleninka, Dimensions, East View, EBSCOhost.

Aim and Scope

The scientific journal "RUDN Journal of Public Administration" is the special scientific publication, founded in late 2013.

The journal mission is the assistance of the public administration development on theoretical and practice field as well as to create a platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives in the public administration field.

The journal gives an ability to discuss main ideas and problems of public administration, analysis of current issues of public administration, the theoretical comprehension of the trends and prospects of local government development, synthesis of international practice and experience of public administration and management, highlighting modern trends of higher professional education development on the public administration field, etc.

The main journal headings are following: "Theory and Practice of Public Administration", "Foreign Experience of Management", "Formation and development of local government", "Culture of management", "Anthology of Public Administration" and etc.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is for scientists and researchers, officials in the sphere of public administration, and for a wide range of readers who are interested in problems and perspectives of public administration.

The journal editorial board includes leading scientists and experts of international and national level on the public administration field.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>.

E-mail: pubadmj@rudn.ru.

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Iu.N. Efremova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

- Иванов О.Б.** «Мягкая сила» как катализатор социально-политических конфликтов 167

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Гукасян Г.Л.** Государство и «рентная экономика» в странах – экспортерах нефти 177

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Owusu-Ansah E.** Study on the effectiveness of internal control systems in Ghana public sector: a look into the district assemblies. Part 1 (**Овусу-Анса Э.** Исследование эффективности систем внутреннего контроля в государственном секторе Ганы: взгляд на окружные собрания. Часть 1) 193
- Antigegn G.K.** The role of african court on human and peoples' rights protection: the case of libyan crises (**Антигегн Г.К.** Роль африканского суда по защите прав человека и народов: случай ливийского кризиса) 213

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Толмачев А.А., Секирина Е.Е.** Перспективы социально-экономического развития городской системы 223
- Зуева А.С., Хроленко Т.С.** Старение населения: угроза демографической безопасности или потенциал развития серебряной экономики 234

СЛОВО СТУДЕНТАМ, АСПИРАНТАМ И МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

- Сафарьян В.В.** Зарождение и становление социально-экономических отношений между Россией и Арменией 243

CONTENTS

PUBLIC ADMINISTRATION: THEORY AND PRACTICE

Ivanov O.B. «Soft power» as a catalysator of socio-political conflicts 167

FINANCIAL AND ECONOMICAL ASPECTS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Ghukasyan G.L. The state and the “rentier economy” in oil exporting countries 177

FOREIGN EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

Owusu-Ansah E. Study on the effectiveness of internal control systems in Ghana public sector: a look into the district assemblies. Part 1 193

Antigegn G.K. The role of african court on human and peoples’ rights protection: the case of libyan crises 213

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Tolmachev A.A., Sekirina E.E. Prospects for socio-economic development of the urban system 223

Zueva A.S., Khrolenko T.S. Population ageing: demographic security threat or silver industry development potential 234

ARTICLES OF STUDENTS, POSTGRADUATE AND YOUNG SCIENTISTS

Safaryan V.V. The origin and formation of socio-economic relations between Russia and Armenia 243

DOI: 10.22363/2312-8313-2019-6-3-167-176

Научная статья

«Мягкая сила» как катализатор социально-политических конфликтов

О.Б. Иванов

Центр урегулирования социальных конфликтов
Проспект Мира, 72, Москва, Россия, 129063

Статья посвящена изучению совокупности технологий, объединенных термином «мягкая сила», с позиции использования потенциала этих технологий в целях управления социально-политическими конфликтами в целевых странах. Выявляется и исследуется сущность и назначение «мягкой силы» в современной деятельности международных политических акторов, на практическом материале исследуется актуальный опыт применения ключевых инструментов «мягкой силы», в том числе в качестве инструмента влияния и пропаганды в глобальном информационном пространстве. Автор предпринимает аргументированную попытку доказать, что в эпоху глобализации значение и влияние «мягкой силы» возрастает по сравнению с традиционными «жесткими» инструментами влияния, что «мягкая сила» активно используется в качестве теоретического и практического руководства на глобальном геополитическом уровне. Критически осмысливаются позитивный и негативный потенциал «мягкой силы», анализируются базовые способы защиты от ее деструктивного влияния.

Ключевые слова: мягкая сила, мягкое влияние, геополитический проект, социально-политический конфликт, управление социально-политическим конфликтом

Концепция «мягкой силы» и связанные с ней технологии в последние десятилетия объективно закрепились в авангарде международной политической деятельности, стали неотъемлемой частью международной деятельности всех значимых политических акторов. Этой тенденции немало способствовала и постоянно возрастающая роль информации в современном мире, поскольку именно информация в том или ином виде является стержневым понятием «мягкой силы». Активное внедрение способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия превращает информацию в геополитическое оружие, которое существенно влияет на развитие страны, подвергающейся «информационной атаке» [1. С. 166].

© Иванов О.Б., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

«Мягкая сила» – это способность достигать целей на внешнеполитической арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов. Являясь особым типом внешнеполитической деятельности, «мягкая сила» воздействует не напрямую, а через косвенное распространение влияния одного государства на другое посредством массовой информации, популярную и элитарную культуры, образование, распространение привлекательных гуманитарных и иных идеалов, популяризацию актуальной системы ценностей и жизненных ориентиров [2. С. 73]. При этом важно понимать, что «мягкая сила» – это не просто некоторая совокупность гуманитарных и информационных ресурсов и инструментов их трансляции актором, но и всегда – проектируемый, осязаемый и планируемый результат реализации.

В новейшей истории «мягкая сила» как актуальный внешнеполитический феномен стала исследоваться и активно использоваться прежде всего в американской политике начиная со времен «холодной войны», и с тех пор ее влияние на внешнеполитические процессы глобального характера неизменно возрастало. В то же время в политической науке остается дискуссионным вопрос о том, какова роль «мягкой силы» в реализации стратегий и тактик «цветных революций». Этот вопрос можно сформулировать следующим образом: влияние технологий «мягкой силы» на процесс зарождения и развития «цветных революций» носит естественный, инерционный характер, или же наоборот – манипулятивный и целенаправленный?

Изучением влияния «мягкой силы» на общественное сознание в мире занимаются уже достаточно давно. Здесь уместно вспомнить про созданный в 1946 году в Великобритании Тавистокский институт человеческих отношений. По мнению ряда исследователей, методы, технологии и практические наработки этого научного центра широко применяются в разных частях света в целях масштабной социальной инженерии и в том числе для реализации проектов, непосредственно связанных с «цветными революциями» и «ненасильственным протестом» [3].

Россия и бывшие республики СССР в свое время одними из первых столкнулись с активным применением технологий «мягкой силы», испытали их влияние на сознание и поведение населения: соответствующие инструменты, применяемые со стороны США и стран Западной Европы, сопровождали весь процесс формирования независимых государств на постсоветском пространстве, активно применяются и сегодня. Отчасти это обстоятельство позволяет нам говорить о феномене «управляемого гражданского общества», который характеризуется видимостью прав, искаженным представлением о долге, обязанностях, и формируется с помощью неправительственных организаций. Наиболее ярким примером этого, безусловно, служат события последних лет на Украине. Информационное давление, последние два с половиной десятилетия оказываемое на местное гражданское общество, сформировало поколение русофобов и националистов, готовых участвовать в «зачистках» на юго-востоке не по принуждению, а по убеждению [4. С. 24].

В Концепции внешней политики России 2016 года «мягкая сила» также рассматривается в первую очередь как неотъемлемая составляющая международной политики, важное дополнение к традиционным дипломатическим методам, в основе которого лежит прежде всего возможность наиболее эффективно использовать гуманитарные возможности [5]. Конкретные задачи в области применения «мягкой силы» прописаны и в правоустанавливающих документах Россотрудничества, которое подведомственно Министерству иностранных дел России. Это, в частности, поддержка соотечественников, продвижение русского языка и культуры, содействие международному развитию и «народная» дипломатия. При этом для трансляции российских национальных ценностей используются не только официальные каналы взаимодействия, но и спорт, туризм, образование, культурный и религиозный диалог [6. С. 52].

Вообще, практика применения «мягкой силы» достаточно широка и в зависимости от целей, который ставит использующий ее актор, может быть разделена на два условных направления.

Первое направление использования «мягкой силы» представляет собой позитивную технологию, направленную на улучшение международного политического климата, развитие взаимовыгодных отношений между странами, сближение и взаимное обогащение национальных культур.

Второе направление предполагает, что «мягкая сила» использует свой потенциал для дестабилизации государственных институтов целевой страны, разрушение существующего социального порядка и, в конечном итоге, максимально фактическое сокращение национального суверенитета. По сути, такой вариант использования «мягкой силы» отличается от классической военной интервенции только методами воздействия на «противника».

Важнейшим теоретиком второго направления, т.н. «ненасильственной борьбы против диктаторских режимов», является американский ученый Д. Шарп. Именно указанным вопросам применения «умной силы» посвящены его труды «Политика ненасильственных действий» [7] и «От диктатуры к демократии» [8], в которых автор подходит к проблеме с практической стороны и предлагает конкретные методики и технологии по ненасильственному свержению авторитарных режимов. Шарп и его последователи идут по пути универсализации учения о ненасильственной борьбе, разработанного еще М. Ганди. Сейчас, когда это учение уже доведено до уровня технологии, говорят о 198 методах ненасильственного протеста, которые разделены на пять крупных блоков: методы ненасильственного протеста и убеждения, методы отказа от социального сотрудничества, методы отказа от экономического сотрудничества, методы отказа от политического сотрудничества, методы ненасильственного вмешательства. Структурно описанные Д. Шарпом идеи и технологии активно использовались оппозиционными движениями во время всевозможных «цветных революций» последних десятилетий – начиная от «бульдозерной революции» в Сербии и «революции роз» в Грузии до «оранжевой революции» и Евромайдана на Украине, «жасминовой революции» в Тунисе и «революции 25 января» в Египте.

Этот тезис прекрасно иллюстрируется тем, что во всех «цветных революциях» прослеживается один и тот же принцип социальной активности, избранный оппозиционной, протестующей стороной. В развитии большинства «цветных революций» выделяют отчетливые фазы и этапы, а общий алгоритм протестных действий имеет явную запрограммированную технологию, почти идентично используются сетевые ресурсы и активность молодежных радикальных движений. Сопоставимы и сроки реализации «революционных» этапов: они проходят в предельно сжатом режиме, в течение полутора–двух месяцев. Кроме того, обоснованным выглядит утверждение, что в «цветных революциях» полностью отсутствует настоящая революционная идеология [8]. Не лишним будет напомнить, что, например, по мнению ряда исследователей, традиционными формами выражения социального недовольства в арабском мире были открытые, насильственные столкновения протестующих с проправительственными силами. И тот факт, что во время «арабской весны» протестующие преимущественно делали ставку на ненасильственные формы сопротивления, позволяет обоснованно предположить, что эта тактика имела «неарабское» происхождение, что в ней прослеживается влияние западных политтехнологов [10. С. 202].

Технологически актор, применяемый институты «мягкой силы» для трансляции в целевую страну необходимых ему ценностей и культурных установок, рассматривает социально-политические конфликты в целевой стране исключительно как путь проникновения в соответствующую среду и возможность преобразования этой среды в нужном актору направлении. Разумеется, что такой подход предполагает, что вплоть до окончания «перформатирования» системы ценностей в целевой стране актор не заинтересован в разрешении соответствующего конфликта, как и не заинтересован в последовательном развитии такого конфликта, которое диктуется его внутренней логикой. Таким образом, глобальные политические акторы при применении механизмов и технологий «мягкой силы» используют национальные конфликты путем их встраивания в выгодную таким акторам схему взаимодействия с участниками конфликта.

Так, например, в конце 90-х годов прошлого века США избрали одним из плацдармов для интенсивной обкатки технологий «мягкой силы» Украину. Стратегической целью при этом просматривалась идея формирования Украины как самостоятельного (до известных, разумеется, пределов) восточноевропейского геополитического актора, способного нейтрализовать усилия России на традиционном для нашей страны направлении национальных интересов. В соответствии с этой стратегической целью на американские гранты исследовательское сообщество обосновывало ведущую роль украинского этноса в формировании и развитии древнерусского государства, создавало собственную, уникальную историю украинского народа, противопоставляя ее общей российской истории. Соответствующие идеи транслировались нации посредством системы образования: через учебные программы, национальную исследовательскую работу, создаваемые культурные феномены и исторические мифы национального характера, особую

роль среди которых сыграл и продолжает играть «голодомор» начала 30-х годов прошлого века [11. С. 76–79]. Одним из «публичных» результатов этих многолетних усилий «мягкой силы» стали события «оранжевой революции» и Евромайдан, которые подавались средствами массовой информации в том числе через призму «становления нации и национального самосознания».

Анализируя использование «мягкой силы» в подготовке событий «арабской весны», следует упомянуть существенную роль организации «Национальный вклад в демократию»¹, основанной в 1983 году Президентом США Рональдом Рейганом, которая длительное время финансировала образовательные и культурные программы в регионе, активно способствовала формированию у национальных политических и культурных элит проамериканских демократических ценностей и одновременно с этим являлась отчасти механизмом рекрутирования будущих политических лидеров. Активное вовлечение молодежи стран Северной Африки и Ближнего Востока в соответствующие образовательные и культурные проекты можно проследить во второй половине 2000-х годов. А большинство будущих активистов «арабской весны» принимали активное участие в конференциях и прочих мероприятиях, проводимых американскими неправительственными организациями, такими как «Дом свободы» и Международный республиканский институт. В ноябре 2009 года, например, действующий в тот момент госсекретарь США Х. Клинтон отметила важность информационной мобильности для деятельности независимых национальных демократических организаций в странах с ограниченными политическими свободами и анонсировала, что Государственный департамент США планирует потратить в 2010 году 5 миллионов долларов для финансирования новых средств информации и становления сети гражданских организаций на Ближнем Востоке и в Северной Африке. А по открытым данным «Национального вклада в демократию» за 2011 год организация среди прочего осуществила финансирование 40 проектов в Египте на общую сумму 2,5 миллиона долларов, 10 проектов в Тунисе на 1,4 миллиона долларов и 4 проекта в Сирии на 650 тысяч долларов, а общая сумма расходов финансирования мероприятий «мягкой силы» и демократических процессов на Ближнем Востоке за этот год составила 104 миллиона долларов.

При подготовке «цветных революций» особое внимание традиционно уделяется культурным факторам, оказывающим воздействие на массовое сознание. И нельзя не согласиться с тем, что первостепенное символическое значение здесь имеют те произведения культуры, которые пропагандируют идеи сопротивления и освобождения, вполне доступные для массового эмоционального восприятия. Здесь в первую очередь речь идет, конечно, о музыке, которая «способна обеспечить мобилизацию, подарить людям ощущение

¹ Американская некоммерческая организация, финансируемая Конгрессом США, осуществляющая финансирование программ по продвижению гуманитарных и демократических ценностей по всему миру. В управляющем совете организации в равном числе представлены представители обеих крупнейших партий страны.

единства и сплоченности без длительных объяснений, напрямую апеллируя к их чувствам» [12. С. 219]. Так, например, оба украинских «майдана» (и 2003, и 2013–2014 годов) были «...самым тесным образом связаны с рок-музыкой. Политические акции выглядели синтезом собственно митингов и рок-фестивалей. И еще вопрос, кто сделал для мобилизации общества больше: политики своими выступлениями или рок-группы своими песнями» [12. С. 220].

Важной культурной предпосылкой «цветных революций» (особенно в арабских странах) является распространение в обществе идей гендерного равноправия (преимущественно при попытке резкого усиления роли женщины в общественной жизни). Так, накануне «арабской весны» западные негосударственные организации настойчиво продвигали в регионе идею всеобщего женского образования. Попытки преодоления многовековых табу на участие женщин в общественной жизни сами по себе являлись важными предпосылками для преодоления и других табу, имеющих уже более ярко выраженную политическую окраску [13. С. 263].

Представляется обоснованной точка зрения некоторых исследователей, что в рассматриваемых случаях опора на «мягкую силу» представляла собой выбор стратегически наиболее эффективного метода свержения конкретного политического режима и использовала гуманитарную риторику исключительно для прикрытия основной цели, для придания ей нужной легитимности в глазах национального и, отчасти, мирового сообщества. Анализ развития событий в ходе «цветных революций» позволяет сделать вывод, что стратегия «мягкой силы» (а затем и «умной силы»), проявлявшаяся в распространении «общепринятых либеральных ценностей», фактически подготавливала общества и политические институты рассматриваемых стран к применению традиционных, «жестких» технологий в процессе захвата власти и смены правящих группировок [14. С. 174].

Отметим и существенную роль социальных сетей как одного из ключевых инструментов «мягкой силы», в организации управления (в том числе и внешнего) «цветными революциями». Информационные технологии за последние 10–15 лет очевидно коренным образом изменили жизнь людей, сами технологии коммуникации, в том числе межличностной, не говоря уже о социальной. Такая коммуникация становится все более опосредованной, что само по себе дает перспективные условия для развития и ведения информационных войн, целенаправленной работы с общественным сознанием [15. С. 115]. Так, ситуация в уже упомянутой Украине 2012–2013 годов (представляющая для нас наибольший интерес в связи с очевидной социальной и цивилизационной близостью к России) наглядно демонстрирует, как именно через социальные сети и, преимущественно, через Facebook и Twitter, транслировались молодежи «идеалы и ценности жизни по западному образцу», как эти идеалы провозглашались единственно верными и объективно лучшими и как они выгодно противопоставлялись сложившейся в стране атмосфере, которая подавалась исключительно через призму нищеты, коррупции, несправедливости, безысходности и (при условии сохранения действующего политического режима) отсутствия каких-либо перспектив для будущих поколений. При

этом следует помнить, что обе названные социальные сети принадлежат корпорациям, существующим в юрисдикции США и выполняющим (в самом широком смысле) требования легальных органов соответствующей юрисдикции. Естественно, что именно через эти социальные сетевые инструменты проводилось в дальнейшем координирование протестных акций и мобилизационная подготовка, а их популярность у пользователей только росла, особенно на фоне непоследовательных попыток действующей политической власти ограничить работу соответствующих платформ или Интернета в целом.

Качественное изменение форм и методов взаимодействия современного человека с информацией (в первую очередь информацией обработанной и интерпретированной) приводит к разным последствиям. Так, например, современные средства массовой информации функционируют преимущественно не как отражающие реальность, а как формирующие множество альтернативных информационных реальностей, в которых смысл одинакового с фактологической точки зрения сообщения зависит исключительно от задач конкретного СМИ в сложившейся ситуации. Французский философ Жан Бодрийяр, например, очень точно назвал эту произвольно конструируемую «информационную» реальность гиперреальностью, которая нейтрализует объективную реальность и замещает ее симулятивными знаками [16. С. 204]. Разумеется, что процесс такого рода «информационной перекодировки» влияет и на мышление в том направлении, что потребители информации постепенно утрачивают способность мышления абстрактными категориями, а само мышление в условиях мозаичной информационной культуры приобретает черты дискретности и клиповости [14. С. 177]. Да, эта проблема носит более широкий характер, объективно выходит за рамки исследования настоящей статьи, однако непосредственно касается и рассматриваемого предмета: все описанное объективно приводит к непропорциональному росту технологий «мягкой силы», основанных на информационной манипуляции личностным и общественным сознанием, к соблазну для глобальных акторов все активнее использовать деструктивные начала «мягкой силы», не считаясь с теми негативными последствиями, которые они неизбежно несут обществу соответствующей страны.

Было бы, разумеется, ненаучно объяснять весь комплекс причин, приводящих к социально-политическому кризису, исключительно использованием против государства инструментов и технологий «мягкой силы». Во всех рассмотренных случаях ключевыми факторами, непосредственно предопределившими возникновение и развитие кризисов, стали объективные социально-политические и экономические проблемы соответствующих государств, ригидность или неоправданная фрагментарность их политического строя, нестабильность актуальных политических систем, раскол элит и неумение эффективно донести до населения актуальную национальную политическую повестку, а также, в некоторых случаях, национально-религиозная неоднородность. Однако внешний, субъективный фактор, выразившийся в активном применении против соответствующих стран технологий «мягкой

силы», играл как минимум не менее важную роль. Тем более, что подобная «мягкая сила», как показывает практика, мало чем отличается от традиционной «жесткой» силовой интервенции государств и приводит к последствиям, вполне сопоставимым с вооруженным внутрисоциальным конфликтом.

В связи с этим особую актуальность при обретает вопрос поиска и внедрения наиболее эффективных мер противодействия применению технологий «мягкой силы» как катализаторов социально-политических конфликтов. Представляется, что здесь особое внимание государству следует уделить проблеме образования подрастающего поколения и его воспитания в векторе понимания причинно-следственных связей в социальной жизни, прививать умение осмысливать получаемую информацию, соотносить ее с такими базовыми национально значимыми понятиями, как государственный суверенитет, национально-культурная самобытность и идентичность, обоснованная миграционная политика. Кроме того, государству следует обратить особое внимание на массовую культуру как на наиболее эффективный инструмент донесения целевых ценностей до большей части общества, а также на культуру элитарную, с тем, чтобы не допустить на этой почве раскола элит, внедрения в их сознание чуждых национальным интересам мировоззренческих и поведенческих аксиом.

Следует помнить, что немаловажной причиной любых «цветных революций» является желание глобальных политических акторов упрочить свое влияние в той или иной части света [17. С. 85]. В связи с этим обстоятельством территория бывшего СССР, и в том числе современной российской Федерации, выступает важным и перспективным геостратегическим пространством. А потому действующей власти, стремящейся сохранить политический режим страны, следует обратить особое внимание как на феномен «цветных революций» в целом, так и на механизмы «мягкой силы», непосредственно связанные с этим феноменом, способствующие его возникновению и развитию на конкретной территории и в условиях конкретной социально-политической ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Матвеев Ю.И., Галаева М.Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // *PolitBook*. 2015. № 1. С. 165–179.
- [2] Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // *Российский журнал правовых исследований*. 2016. № 1(6). С. 73–86.
- [3] Эстулин Д. Тавистокский институт. Минск: «Попурри», 2014. 368 с.
- [4] Иванов О.Б. Информационная война как фактор развития российского гражданского общества // *Политика и Общество*. 2017. № 4. С. 21–30.
- [5] Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30.11.2016 года № 640. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. Дата обращения 24.06.2019.
- [6] Касюк А.Я. «Мягкая сила» и санкционная политика Запада // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2018. № 2 (800). С. 50–66.

- [7] *Sharp G.* The Politics of Nonviolent Action. Boston, 1973.
- [8] *Шарп Д.* От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. Пер. с англ. Н. Козловской. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.
- [9] *Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В.* Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М.: Издательство РУДН, 2015. С. 414.
- [10] *Антюхова Е.А.* «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных политических режимов // Вестник МГИМО. 2015. № 2(41). С. 201–208.
- [11] *Макаревич Э.Ф., Жеглова Ю.Г.* Стратегии «мягкой силы» в информационных войнах: историческая, политическая и культурная динамика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 2(786). С. 61–84.
- [12] *Соловей В.Д.* Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016. 260 с.
- [13] *Бочаров А.В.* Роль soft power в формировании условий реализации «цветных революций» // Дискурс-ПИ. 2017. № 3–4(28–29). С. 261–268.
- [14] *Костина А.В.* «Мягкая сила» как «жесткая сила»: «цветные революции» // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 171–183.
- [15] *Нямаахуугийн Б., Готовын Т.* Позитивные и негативные грани «мягкой силы» // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14А. С. 110–118.
- [16] *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2018. 240 с.
- [17] *Волочаева О.Ф.* «ненасильственное» изменение политических режимов как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 83–86.

Информация об авторе:

Иванов Олег Борисович – руководитель Центра урегулирования социальных конфликтов, председатель Коллегии медиаторов при Торгово-промышленной палате Московской области (ORCID ID: 000-0001-8427-1323) (e-mail: collegiamo@gmail.com).

Research article

«Soft Power» as a Catalysator of Socio-Political Conflicts

O.B. Ivanov

Center for Social Conflicts Resolution
Prosp. Mira, 72, Moscow, Russian Federation, 129063

The article is devoted to the study of a set of technologies united by the term “soft power” from the standpoint of using the potential of these technologies in order to manage socio-political conflicts in target countries. The essence and purpose of “soft power” in the contemporary activities of international political actors is revealed and investigated, and practical experience is used to study the key tools of “soft power”, including as an instrument of influence and propaganda in the global information space. The author makes a reasoned attempt to prove that in the era of globalization the importance and influence of “soft power” increases compared to traditional “hard” tools of influence, that “soft power” is actively used as a theoretical and practical guide at the global geopolitical level. The positive and negative

potential of “soft power” are critically evaluated, the basic methods of protection against its destructive influence are analyzed.

Key words: soft power, soft influence, geopolitical project, socio-political conflict, socio-political conflict management

REFERENCES

- [1] Matveenko Ju.I., Galaeva M.G. «Mjagkaja sila» kak faktor sovremennoj geopolitiki. PolitBook. 2015. № 1. S. 165–179.
- [2] Naumov A.O. «Mjagkaja sila» i «cvetnye revoljucii». Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2016. № 1(6). S. 73–86.
- [3] Jestulin D. Tavistokskij institut. Minsk: «Popurri», 2014. 368 s.
- [4] Ivanov O.B. Informacionnaja vojna kak faktor razvitija rossijskogo grazhdanskogo obshhestva. Politika i Obshhestvo. 2017. № 4. S. 21–30.
- [5] Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii, utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30.11.2016 goda № 640. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. Data obrashhenija 24.06.2019.
- [6] Kasjuk A.Ja. «Mjagkaja sila» i sankcionnaja politika Zapada. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2018. № 2(800). S. 50–66.
- [7] Sharp G. The Politics of Nonviolent Action. Boston, 1973.
- [8] Sharp D. Ot diktatury k demokratii. Strategija i taktika osvoboždenija. Per. s angl. N. Kozlovskoj. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005. 84 s.
- [9] Filimonov G.Ju, Karpovich O.G., Manojlo A.V. Tehnologii «mjagkoj» sily na vooruzhenii SShA: otvet Rossii. M.: Izdatel'stvo RUDN, 2015. S. 414.
- [10] Antjuhova E.A. «Arabskaja vesna»: novye mehanizmy smeny avtoritarnyh politicheskikh rezhimov. Vestnik MGIMO. 2015. № 2(41). S. 201–208.
- [11] Makarevich Je.F., Zheglova Ju.G. Strategii «mjagkoj sily» v informacionnyh vojnah: istoricheskaja, politicheskaja i kul'turnaja dinamika. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2017. № 2(786). S. 61–84.
- [12] Solovej V.D. Revoljucion! Osnovy revoljucionnoj bor'by v sovremennuju jepohu. M.: Jeksmo, 2016. 260 s.
- [13] Bocharov A.V. Rol' soft power v formirovanii uslovij realizacii «cvetnyh revoljucij». Diskurs-PI. 2017. № 3–4(28–29). S. 261–268.
- [14] Kostina A.V. «Mjagkaja sila» kak «zhestkaja sila»: «cvetnye revoljucii». Znanie. Ponimanie. Umenie. 2019. № 1. S. 171–183.
- [15] Njamaahuugijn B., Gotovyn T. Pozitivnye i negativnye grani «mjagkoj sily». Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 14A. S. 110–118.
- [16] Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljaccii. M.: Postum, 2018. 240 s.
- [17] Volochaeva O.F. «Nenasil'stvennoe» izmenenie politicheskikh rezhimov kak fenomen informacionnogo obshhestva. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2015. № 3. S. 83–86.

Information about the author:

Ivanov Oleg Borisovich – Head of the Center for Social Conflicts Resolution, Director of the Board of Intercessors affiliated with Chamber of Commerce and Industry of Moscow Region (Russian Federation) (ORCID ID: 000-0001-8427-1323) (e-mail: collegiamo@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2019-6-3-177-192

Научная статья

Государство и «рентная экономика» в странах – экспортерах нефти

Г.Л. Гукасян

Институт востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В новых внешнеэкономических условиях, сложившихся в результате значительной деформации циклической динамики мирового рынка нефти, определенный интерес представляют взгляды на модель так называемого «рентного государства» и «рентной экономики», распространяемые на страны – экспортеры нефти Азии, Африки, Латинской Америки, а также на государства постсоветского пространства, включая Российскую Федерацию, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан. Для отмеченных государств в условиях снижения доходов от экспорта нефти вопрос об изменении «рентной модели» развития является актуальным. При этом рекомендации зарубежных авторов во многих аспектах не являются приемлемыми, но их анализ позволяет более разнопланово осмыслить проблемы преодоления «сырьевого характера» экономики.

Ключевые слова: «рентное государство», «рентная экономика», страны-экспортеры нефти, мировой рынок нефти, патернализм, стабильность, диверсификация, не нефтяной сектор, экономическая структура, бюджет

Рассматривая так называемую «рентную экономику», следует отметить, что в трудах англоязычных авторов термины «рентное государство» и «рентная экономика» изначально связывались со странами – экспортерами нефти Ближнего Востока. Известный арабский ученый и политический деятель Хазем аль Баблауи определил ренту как «доход, получаемый от природных ресурсов». Термин «рентное государство», вероятно, впервые был применен Хуссейном Махдави в отношении Ирана еще до Исламской революции в Иране. Автор определил «рентное государство» как государство, получающее существенное количество рентного дохода от других государств или ино-

© Гукасян Г.Л., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

странных субъектов, т.е. из-за рубежа. По мнению Махдави, данный доход никак не связан с производственным процессом внутри страны. При этом, по его мнению, даже взимание платы Египтом за проход судов через Суэцкий канал можно считать рентным доходом. Благодаря подобной ренте «рентное государство» получает возможность финансировать государственные расходы без взимания налогов с населения или с минимальным налогообложением. Вследствие этого в таких государствах правительство превращается в движущую силу экономики вместо производственных секторов, а государственный сектор сильно разрастается. Причем для «рентного государства» весьма болезненной выступает проблема экономического развития и диверсификации, что особенно заметно в странах – экспортерах нефти, где только в периоды падения мировых цен на нефть наблюдались выраженные попытки экономической диверсификации [1. С. 432–434].

Хазем Баблауи и Джакомо Лучиане также стали одними из первых авторов, глубоко задавшихся вопросом влияния получаемой извне ренты на тип государства, политического режима и экономической структуры страны. По их мнению, не заработанные внутри страны потоки доходов, стекающиеся исключительно к правительственным кругам, искажают политическую и экономическую структуру государства, в результате чего консервируется неразвитость государственной системы. Препятствием для демократического изменения системы, прежде всего, является контроль правительственных кругов над природными богатствами, который обеспечивает фискальную независимость государства от налогов и от необходимости осуществлять «налоговое давление» на население. Через социальный патронаж власти покупают лояльность населения. В трудах Х. Баблауи и Дж. Лучиане проводится некоторое разграничение между понятиями «рентное государство» и «рентная экономика». Так, они не приветствуют понимание «рентного государства», как государства, получающего значительную часть государственных доходов от природной ренты. Эти авторы предпочитают рассматривать «рентное государство» с экономической точки зрения через понятие «рентной экономики»: под ней понимается экономика, существенно поддерживаемая путем государственных расходов, в то время как само государство обеспечивается за счет ренты, получаемой из-за рубежа. В подобном типе экономики природная рента играет ведущую роль, а «рентное государство» понимается как подсистема «рентной экономики» [2. С. 11]. Вместе с тем ряд авторов трактуют и налоговые доходы государства как своего рода рентный доход, однако, когда речь идет о «рентном государстве», под рентой в литературе традиционно понимается природно-ресурсная рента. Действительно, налоговые доходы охватывают налоги на землю, добычу и экспорт полезных ископаемых, но в случае стран – экспортеров нефти и газа значительные платежи, формируемые за счет отчислений от экспорта углеводородов, включая прямые отчисления контролируемых государством нефтяных компаний, можно отнести к понятию природной ренты.

При этом важнейшая функция «рентного государства» состоит в аккумуляции и распределении ренты, причем происходит гипертрофированное укрепление вертикальных связей, вместо горизонтальных отношений в обществе между экономически независимыми субъектами. В странах – экспортерах нефти движение цен на нефть и величины политической свободы происходит в различных направлениях. Так, например, во время «нефтяного бума» 2000–2007 гг. доходы от нефти стран региона Ближнего Востока и Северной Африки возросли в 4 раза, и большинство стран-экспортеров нефти региона увеличили объемы накопления, а также нарастили доли размещаемых в рамках суверенных фондов накопленных за счет активного сальдо платежного баланса инвалютных резервов. Рентная модель развития этих стран не подверглась изменению. В этот период данными государствами осуществлялось наращивание субсидирования экономики и населения, повышение заработной платы в государственном секторе и увеличение инвестирования в инфраструктурные проекты.

В литературе также выражается мнение о том, что в странах – экспортерах нефти с «рентной экономикой» финансовый сектор выполняет функцию осуществления «олигархического контроля» над негосударственными субъектами экономики через финансирование из государственных финансовых фондов различных институтов [3. С. 41–57]. Нефтяная рента принесла стабильность в страны Персидского залива, так как доходы от экспорта нефти были перераспределены различным слоям населения, которое стало ощущать зависимость своего благосостояния от деятельности государства. Государство обеспечило в этих странах бесплатное образование и здравоохранение, значительное субсидирование жилищно-коммунальных услуг, установило и поддерживало систему социальных выплат и пособий, трудоустройство в госсекторе.

В XX веке наложение периода распада колониальной системы на Ближнем Востоке на период обнаружения и начала разработки крупных запасов нефти также поспособствовало формированию рентных государств, поскольку традиционные системы правления, при отсутствии как демократических структур в политической системе, так и элементов рыночной экономики при освобождении от колониализма получили в виде нефтяной ренты мощную финансовую опору. Она обеспечила легитимизацию режимов и закрепление принятой системы государственного управления, в которой происходила дальнейшая экономическая модернизация. В странах Аравийского полуострова монархические режимы в этих условиях обрели статус ведущей силы экономической модернизации, претворяя в жизнь свои схемы модернизации в условиях патерналистской государственной системы.

В зарубежной литературе мы находим и мнение о том, что уровень развития культуры и экономики является важным фактором, который обуславливает наличие или отсутствие рентной модели экономики: приводится довод о том, что патерналистская или «клиентелистская» экономика, осно-

ванная на нефтяной ренте, в полной мере присуща таким странам, как Саудовская Аравия, Иран, Ливия, Катар, Кувейт, но не присуща Норвегии, США и ряду других стран. Это объясняется наличием в последних развитой системы контрактных отношений и равных прав доступа к рынку, в которой субъекты получают свои доходы от деятельности через контрактные отношения. Как заявляется, проведенное обследование 150 стран в период 1973–2000 гг. показало, что страны с развитой системой контрактных отношений обладают «иммунитетом» от рентной зависимости экономики [4. С. 72]. Отметим, правда, что в отношении Норвегии фактор рентной составляющей экономического развития остается важным.

Разумеется, при анализе отмеченных подходов к трактовке рентного государства в странах – экспортерах нефти необходимо учитывать уникальные особенности стран. Так, например, в Иране модель национального рентного государства в полной мере сформировалась позднее, чем шах Реза Пехлеви начал осуществлять свою программу модернизации, поскольку шах являлся ставленником западного мира и осуществлял широкий доступ иностранных компаний в иранскую экономику, одновременно поддерживая жестокий репрессивный механизм подавления оппозиции. Это при определенном стечении обстоятельств выступило важной причиной Исламской революции 1979 г., которая отчасти выступала борьбой местных элит за нефтяные ресурсы, совпавшей с процессами демонтажа колониальной системы (при всех прочих нюансах) [5. С. 34–37]. В Ираке рентная модель развития также являлась ярко выраженной при режиме Саддама Хусейна и остается в настоящее время базовой моделью экономики, находящейся в тяжелом состоянии после военных действий. Однако сам приход к власти С. Хусейна слабо объясним с точки зрения теории «рентного государства». В Ливии при режиме Муаммара Каддафи была внедрена модель государства народовластия – Джамахирии, экономика которого также была основана на распределении нефтяных доходов. Данные особенности говорят о необходимости учета конкретных исторических условий развития при трактовке политической системы рентных государств на Ближнем Востоке.

В экономическом аспекте масштабы рентной экономики в странах-экспортерах нефти измеряются, прежде всего, через размер доли государственных доходов, формируемой из доходов от нефти. Дж. Лучиане определил границу, за которой экономику можно считать рентной, – это достижение упомянутой долей величины в 40%. Распространенное понимание рентной экономики, в дополнение к упомянутым выше финансово-экономическим основам рентного государства, основывается и на известной «Голландской болезни». Последняя, как известно, описывает анклавное развитие экономики страны-экспортера нефтегазового сырья, в которой нефтяная индустрия испытывает «расцвет, но мало связана с остальными секторами хозяйства, не способствует росту производства в других отраслях национальной промышленности» [6. С. 78]. Население в рентных государ-

ствах не готово к производительному труду и предпринимательским рискам, в производстве занята в основном иностранная рабочая сила, местные коммерческие классы не стали движущей силой экономического развития, поскольку не прошли капиталистическую эволюцию. Эти классы в условиях рентной экономики зависимы от перераспределения нефтяной ренты государством через государственные контракты, заказы, субсидии.

Однако в настоящее время устоявшиеся подходы теории рентного государства и рентной экономики подвергаются сомнению. Так, сирийский автор Касем Ислам Ясин отмечает, что сторонники этой теории, объясняя политическое положение в странах – экспортерах нефти, используют сомнительную упрощенную логику, не идя дальше концептуализации и описательного анализа предполагаемой связи между природной рентой и стабильностью политического режима при отсутствии процесса демократизации, что и является слабостью их концепции. На самом деле подобные подходы далеко не всегда подтверждались в условиях современных флуктуаций на мировом рынке нефти. Так, в противовес утверждениям Баблауи и Лучиане, на основе исследования ситуации в 107 странах за период 1960–1999 гг. Б. Смит пришел к выводу, что в долгосрочном периоде не подтверждается наличие четкой связи между политической стабильностью арабских режимов и величиной нефтяной ренты. На примере Саудовской Аравии теория рентного государства также не показала работоспособность, поскольку, например, в середине 1980-х гг. в условиях падения цен на нефть стабильность саудовского правящего режима сохранялась, а определенные проявления оппозиции наблюдались, наоборот, в периоды повышения цен на нефть. В этой связи механизм причинно-следственной связи между рентой и покупкой легитимности, являющийся основой теории рентного государства, вызывает сомнения [7. С. 30–31].

Конечно, падение и нестабильность мировых цен на нефть, наблюдаемые в период с 2014 года, значительно усложняют осуществление программ экономического развития таких стран, как Саудовская Аравия, также как и других традиционных экспортеров нефти, включая Россию, однако в Саудовской Аравии ярко выраженных признаков политической дестабилизации пока не наблюдается, в основном проблемы атак на нефтяные мощности страны были вызваны втягиванием Саудовской Аравии в йеменский конфликт.

Серьезные аргументы против теории рентного государства, приписываемой развивающимся странам – экспортерам нефти, содержатся, в частности, в публикации Эмили Рутледж из Университета Объединенных Арабских Эмиратов. Она отмечает, что под рантье, как у Ленина, так и у Кейнса, понимались не собственники земли или природных ресурсов, а в большей мере представители финансового капитала. В том, что касается нефтяной индустрии, вопрос ренты был поднят в 1960-е годы, когда нефтяные месторождения стран Ближнего Востока и Латинской Америки стали в ходе национализации выводиться из-под контроля международных нефтяных монопо-

лий. При этом был поднят вопрос о ренте за истощение природных запасов, которую должен получать их владелец (народы стран, в которых находятся природные ресурсы). Но к этой ситуации неприменимо исходное значение слова «рента», происходящее из французского языка и означающее частный доход (практически во всех языках «рента» изначально понималась как процентный доход на капитал) [8. С. 3, 9]. При этом сторонники концепции рентных государств не хотят принимать во внимание факт того, что главными субъектами, которые породили рентные отношения в сфере нефти, являются развитые страны – потребители нефти, их правительства, международные нефтяные монополии и энергетические организации промышленно развитых государств. Теория рентных государств была необходима последним для организации политического противостояния с ОПЕК и либерализации мирового рынка нефти. Так, Киссинджер в его мемуарах пишет, что в США как администрация Никсона, так и администрация Форда сделали едва ли не высшим приоритетом внешней политики задачу добиваться снижения цен на нефть и ослабления власти ОПЕК над мировым рынком нефти, и данная стратегия была не только экономической, но и политической, а также идеологической. Не раз вводившиеся со стороны США и других стран Запада санкции против Ирана с его рентным характером экономики были направлены, прежде всего, на его нефтяной сектор, с целью экономически ослабить Иран и одновременно подорвать позиции опирающихся на ренту правящих элит. Успех санкций мог снизить экономический рост Ирана на 2,4%, а в случае неуспешного осуществления санкций торможение экономики Ирана оценивалось американскими экспертами примерно в 1%. В 2012–2014 гг. снижение курса иранского риала из-за санкций оценивалось в размере 56%, а рост инфляции чуть ли не в 50%, согласно отчетам исследовательской службы Конгресса США [9. С. 12].

При Рейгане Национальным нефтяным советом США (US National Petroleum Council) активно проводилась стратегия запретов на оказание технического содействия государственным нефтяным компаниям стран ОПЕК, которые объявлялись неэффективными, и, по мнению консультантов из США и Великобритании, должны были подвергнуться широкому разгосударствлению с допуском к участию в их капитале зарубежных нефтяных монополий, прежде всего из США и Великобритании. В тех же целях развитые страны стали навязывать через Международное энергетическое агентство (МЭА) идею о том, что опора на доходы от нефтяной ренты является негативным фактором развития [10. С. 11–12].

На самом деле мнение о неэффективности государственных или имеющих государственное участие нефтяных компаний стран – экспортеров нефти повсеместно не подтверждается. Так в 2018 г. государственная нефтяная компания Саудовской Аравии Saudi ARAMCO стала самым крупным и прибыльным в мире предприятием, ее прибыль составила 111 млрд долл., что больше, чем прибыль компании Apple (59 млрд долл.) и в четыре

раза больше второй в мире нефтяной компании, Royal Dutch Shell, получившей прибыль в размере 23 млрд долл. [11]. Не менее важны и данные о технической эффективности национальных нефтяных компаний незападных стран в сравнении с компаниями западных: по результатам исследования P.R. Hartley, за период с 2001 по 2009 год средний индекс эффективности акционерных (в основном частных) нефтяных компаний возрос с 0,729 до 0,746; национализированных компаний – с 0,518 до 0,616, а частично национализированных – с 0,610 до 0,749 (а доля государственного капитала в последних возросла с 0,494 до 0,589) [12. С. 17].

Имеются веские причины, по которым страны, обладающие минеральными ресурсами, самостоятельно осуществляют контроль над этими ресурсами через правительство и используют их в интересах собственной стратегии развития, включая финансирование социальных потребностей. Но, по сути, и на стороне стран – производителей нефти, и на стороне стран – импортеров (потребителей) государство выступает ключевым субъектом контроля за глобальным рынком нефти. Таким образом, нефтяная рента в международных экономических отношениях выступила платой за истощение ресурсов и механизмом получения справедливой оплаты за эти ресурсы странами их производителями.

Теории рентного государства, помимо отмеченного, не приспособлены к осмыслению новых экономических сдвигов в ряде стран Персидского залива, таких как эмираты, входящие в состав ОАЭ – Абу Даби и Дубай, королевство Бахрейн, отчасти Катар, где в последние два десятилетия отчетливо наблюдаются сдвиги в сторону инновационных моделей экономического развития, перевода экономики на инновационные рельсы с использованием новых технологий и достаточно заметное привлечение инвестиций в инновационные сектора хозяйства. В этой связи были предложены теории «позднего рантьеизма», сосредоточенные на новых аспектах развития монархий Персидского залива. Эти теории допускают параллельное существование в данных государствах элементов «рентной» и «не рентной» экономики и экономической политики, рентных и не рентных аспектов социальных отношений, международных, в т.ч. внешнеэкономических отношений, что во многом диктуется процессами глобализации [13. С. 18–19].

Тем не менее, экономические и социально-политические основы стабильности в странах – экспортерах нефти, особенно в таких, как монархии Персидского залива, с их монокультурным характером «нефтяной экономики», сильно связаны с величиной доходов от экспорта нефти.

Не исключением среди «рентных экономик», с точки зрения ряда зарубежных авторов, являются экономики стран – экспортеров нефти на постсоветском пространстве, прежде всего, экономики России и Азербайджана, а «рентной экономикой» на основе природного газа является Туркменистан. Согласно классификации по уровню доходов государственного бюджета, получаемых от нефти и газа, Азербайджан и Россия этими авторами отно-

сятся к классическим рентным государствам, где, по классификации, более 40% доходов госбюджета формируется за счет доходов от нефти. (Отметим, однако, что Россия находится в каком-то пограничном состоянии «рентной экономики», то есть близка к границе этого порога, т.к. доля нефтегазовых доходов в бюджете превышает 40-процентный рубеж на несколько процентов (Табл. 1). Если же взять для сравнения Саудовскую Аравию, то наблюдаются бюджетные показатели классического государства с рентной экономикой (Табл. 2).

Таблица 1

Показатели трансформации структуры доходов государственного бюджета Российской Федерации (млрд рублей)

показатель*	2018	2019	2020	2021
ДОХОДЫ, ВСЕГО	18747,5	19969,3	20218,6	20978,0
% ВВП	18,5	18,9	18,3	17,7
НЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ	8714,3	8298,2	7963,3	8018,2
% ВВП	8,6	7,8	7,2	6,8
из них:				
завершение налогового маневра в нефтегазовой отрасли и введение НДС		-93,2	174,8	371,6
Базовые нефтегазовые доходы	4699,4	4929,1	5159,3	5386,2
завершение налогового маневра в нефтегазовой отрасли и введение НДС		-1,3	54,9	108,7
НЕНЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ	10033,2	11671,1	12282,3	12959,8
% ВВП	9,9	11,0	11,1	10,9
Связанные с внутренним производством	5188,2	5916,3	6216,4	6577,9
НДС на товары, реализуемые на территории Российской Федерации, в т.ч.:	3446,5	3986,4	4279,3	4609,4
повышение ставки НДС с 18% до 20%		256,9	359,8	387,5
Акцизы на производимые товары	845,2	969,6	959,1	948,8
Налог на прибыль	896,5	960,3	978,0	1019,7
Связанные с импортом	3151,8	3667,5	3916,9	4204,6
НДС на ввозимые товары	2432,7	2913,3	3115,9	3348,7
в т.ч.: повышение ставки НДС с 18% до 20%		268,5	287,1	308,6
Акцизы на ввозимые товары	95,7	98,7	106,3	111,9
Ввозные таможенные пошлины	623,4	655,5	694,7	744,0
Прочие доходы	1693,2	2087,3	2149,0	2177,3

*оценка, запланированные показатели. Источник: [14. С. 66–67].

При сопоставлении характеристик бюджетных доходов России и Саудовской Аравии у Саудовской Аравии заметна весьма высокая «рентная» составляющая, причем доля налоговых доходов государства составила в 2018 г. лишь 18,5% в общих доходах, а на 2019 г. повышение практически не было заложено.

Таблица 2

Показатели трансформации структуры доходов государственного бюджета Саудовской Аравии

Доходы (млрд сауд. риалов)	Действительные	По гос. бюджету	Оценка	Изменение за год	По гос. бюджету	Проект	
	2017	2018	2018	Оценка за 2018 г., по сравнению с действительными за 2017 г.	2019	2020	2021
Всего, доходы	692	783	895	29,4%	975	1005	1042
Налоговые доходы	87	142	166	89,4%	183	194	201
налоги на доходы, на прибыль, доходы на капитал	14	16	16	14,9%	15,8	17	17
налоги на товары и услуги, включая НДС	39	85	113	Более 100%	132	141	145
внешнеторговые и внешнеэкономические налоги и сборы	19	25	16	-14,8%	17	18	18
Прочие налоги	15	17	20	31,1%	17	18	19
Прочие доходы	604	641	729	20,7%	791	810	840

* 2019 г. – по проекту бюджета. Источник: [15. С. 27].

Зарубежные авторы, чье мнение приводится в данном случае по Азербайджану и России, отмечают также, что, на первый взгляд, данные два государства выигрывают от наличия природной ренты, потому что правительства осуществляют долгосрочные программы инвестирования доходов от экспорта углеводородов на цели экономической диверсификации. В то же время часть этих доходов направляется в фонды стабилизации, с целью сокращения инфляции и поддержания резервного фонда на случай экономического кризиса. Однако приведенные авторы критически смотрят на будущее состояние экономики Азербайджана и России, в частности, ими отмечается, что Азербайджан не использует свои экономические возможности развития из-за плохого качества государственного управления в условиях нацеленности правящих элит на получение доходов от нефтяной ренты. Движимый рентой экономический рост, безусловно, содержит риски нестабильности, которые в полной мере проявляются в условиях экономических кризисов. В периоды экономических кризисов потери в экономическом росте стран – экспортеров нефти Ближнего Востока и Северной Африки, и других стран – экспортеров нефти (за исключением США, Норвегии) оказываются намного более существенными, чем потери от кризиса промышленно-развитых стран [16. С. 1–4].

Падение и нестабильность мировых цен на нефть в условиях развития мировой экономики в 2014–2019 гг., безусловно, поставили вопросы ускорения перестройки экономических структур в странах – экспортерах нефти, попадающих под определение государств с «рентной экономикой», или близких к данной структуре хозяйства (прежде всего по доле доходов от нефти, или от нефти и газа, в государственных доходах). Правда, представляется, что важно учитывать и другой немаловажный макроэкономический показатель – долю нефтяного и нефтегазового сектора в формировании ВВП. Более низкая доля этого индикатора при межстрановом сравнении свидетельствует о более масштабном и устойчивом характере диверсификации экономики. Разумеется, что, несмотря на достаточно невысокий показатель доли нефтегазовых доходов в ВВП России, по официальным оценкам, 7,4% в 2018 г. и 7,8 в 2019 г. (Табл. 2), для России последнее падение цен на нефть оказалось весьма чувствительным, так как издержки добычи намного выше, чем в Персидском заливе. Кроме того, положительный показатель более низкой доли нефти и газа в ВВП по сравнению с другими странами – экспортерами нефти, еще не дает гарантию возможности стремительной замены нефтяных или нефтегазовых источников государственных доходов на альтернативные, тогда как государственные доходы являются важнейшим механизмом стабилизации и развития экономики и социальной сферы. Резервные финансовые фонды также имеют большое значение в качестве «подушки безопасности» в условиях резкого падения текущих доходов от нефти и газа, однако подвержены исчерпаемости.

Традиционные и достаточно быстро реализуемые механизмы стабилизации экономики стран – экспортеров нефти в условиях падения цен на нефть широко известны еще с 1980-х гг. В этом аспекте на макроуровне есть две основных модели антикризисного управления в кратко- и среднесрочном периоде. Одна модель является внутренне ориентированной и предполагает более эффективное использование самой природной ренты (т.е. доходов от нефти и газа), параллельно с мерами экономии (масштабы которых зависят от величины падения нефтегазовых доходов). Вторая модель – внешне ориентированная, нацелена на диверсификацию источников формирования доходов от природной ренты и изыскание новых источников доходов за рубежом. В арабских странах – экспортерах нефти данная антикризисная модель управления включила в себя изыскание новых источников привлечения капитала на мировых финансовых рынках, что вызывало увеличение бремени внешнего долга как негативный фактор [16. С. 11]. Поэтому данная модель была дополнена политикой приватизации с расширением допуска иностранных инвесторов, хотя эта политика ведется осторожно (что видно на примере недавней приватизации в компании Saudi ARAMCO).

Более новым направлением антикризисной политики в условиях падения цен на нефть выступает реорганизация суверенных фондов с целью более эффективного размещения «нефтедолларов» и инвестирования части

этих финансовых средств в развитие эффективных и инновационных экономических проектов. Это наблюдается на примере реорганизации финансового института Public Investment Fund в Саудовской Аравии, и на примере функционирования РФПИ в Российской Федерации.

Надо отметить, что диверсификация источников дохода от природной ренты начинается с географической диверсификации экспорта, к которой прибегают Саудовская Аравия, ОАЭ, Россия и другие экспортеры нефти (в частности, переориентация экспортных направлений и мощностей на страны Азии, АТР, прокладка новых нефте- и газопроводов («Сила Сибири», «Турецкий поток» и др.). Однако в долгосрочном аспекте ослабление зависимости от нефтегазовой ренты возможно только на путях глубокой экономической диверсификации, которая обеспечит создание основного дохода в ненефтяных секторах экономики, но без постоянного перераспределения в них субсидий от нефтяной ренты. К таким ненефтяным секторам относятся перерабатывающая промышленность, инновационные сектора в сфере услуг. Нефтехимия также не относится к экспорту сырой или очищенной нефти, поэтому роль этой индустрии в диверсификации экономики стран – экспортеров нефти высокая. Так, меры по совершенствованию и расширению ассортимента нефтехимических производств, газопереработки позволили Саудовской Аравии выйти на место первого в мире производителя полиэтилена и второго в мире производителя метанола. Компания Saudi ARAMCO создала совместно с японской компанией Sumimoto совместное предприятие по производству новейшей нефтехимической продукции для реализации на Дальнем Востоке, с капиталом более 10 млрд долл., и совместное предприятие с Dow Chemicals с капиталом 20 млрд долл. Инновационным направлением для этой страны с узкой природно-ресурсной базой стало заложение основ мирной атомной энергетики в Городе атомной и возобновляемой энергетики им. короля Абдаллы [17. С. 5–7].

Отстаивание своих интересов на мировом рынке нефти, прежде всего уровня цен на нефть и доходов от нефти, тем не менее, в последнее время объединило почти все страны – экспортеры нефти, кроме США и Норвегии. Саудовская Аравия сблизилась с Россией в интересах воздействия на мировой рынок нефти. С начала 2017 г. относительно успешно действует Соглашение ОПЕК+ (Соглашение стран – членов ОПЕК и ряда стран, не входящих в ОПЕК, о сокращении добычи нефти для стабилизации рынка). В конце 2016 г. страны ОПЕК+ договорились о сокращении добычи нефти на 1,8 млн баррелей нефти в сутки от уровня октября 2016 г., в том числе Россия обязалась сократить добычу на 0,3 млн барр. в сутки. Первое соглашение ОПЕК+ вступило в силу с начала 2017 года и два раза продлевалось, последний раз – до конца 2018 года.

В декабре 2018 г. страны ОПЕК+ договорились о сокращении добычи нефти в первом полугодии 2019 г. на 1,2 млн барр. в сутки по сравнению с октябрём 2018 г. [18]. 2 июля 2019 г. соглашение было продлено на тех же

условиях еще на 9 месяцев, до 31 марта 2020 г. Страны ОПЕК+ закрепили намерение сотрудничества на долгосрочной основе, подписав хартию. В конце 2019 г. было объявлено, что страны–участницы сделки ОПЕК+ с 1 января 2020 года дополнительно сократят суточную добычу нефти на 503 тыс. баррелей, как следует из коммюнике ОПЕК. В том числе обязательства стран ОПЕК по снижению добычи вырастут на 372 тыс. баррелей в сутки, «не ОПЕК» – на 131 тыс. баррелей. Газовый конденсат был исключен из базы расчета квоты в сделке ОПЕК+. Цены на нефть Brent и WTI начали расти на фоне новостей о решениях по сделке ОПЕК+. В результате квота сокращения Саудовской Аравии составила 498 тыс. баррелей в сутки (+167 тыс. баррелей), квота России в первом квартале 2020 года достигнет 300 тыс. баррелей в сутки (+70 тыс. баррелей), Квота ОАЭ составит 156 тыс. баррелей в сутки, Кувейта – 140 тыс. баррелей, Ирака – 191 тыс. баррелей, Нигерии – 74 тыс. баррелей, Алжира – 44 тыс. баррелей, Казахстана – 57 тыс. баррелей, Мексики – 58 тыс. баррелей, Омана – 34 тыс. баррелей. Общее сокращение добычи ОПЕК+ в 2020 г. должно достигнуть 2,1 млн баррелей в сутки [19].

Таким образом, в условиях последних тенденций на мировом рынке нефти, когда на 2020 г. большинством экспертов прогнозировалось скромное значение средних цен на нефть около 60 долл. за баррель, перед многими странами – экспортерами нефти стоит цель приближения к порогу, за которым на базе устоявшихся теорий «рентной экономики» экономика перестает быть «рентной». Естественно, что, с одной стороны, первым и наиболее реализуемым механизмом решения данной цели выступает продолжение корректировки финансового механизма с увеличением доли ненефтяных доходов государства, но данная сфера является весьма чувствительной, а также связана с общими возможностями диверсификации экономики. Реализация политики увеличения доли ненефтяных доходов, несомненно, будет предполагать балансирование между нефтяными (нефтегазовыми) и ненефтяными доходами с учетом состояния внешнеэкономической конъюнктуры. Так, например, совершенно разные налоговые системы у Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Кувейта, Омана, Бахрейна, где до сих пор нет подоходного налога с физических лиц, и только недавно введен НДС в 5%, и в экспортирующей нефть России или в экспортирующей нефть Норвегии, где налоги на физических лиц выше, чем в России, однако заработная плата несопоставима с российской.

С другой стороны, диверсификация экономической структуры с расширением устойчиво рентабельной экономической деятельности в ненефтяных секторах экономики является важнейшим механизмом сокращения «рентного» характера хозяйства, наращивание диверсификации зависит как от использования финансовых инструментов экономической политики, так и от правовых, управленческих, институциональных составляющих стратегии развития. Однако, наряду с потребностью ухода от «рентной составляющей»

развития, необходим сбалансированный подход к перестройке хозяйственной структуры, так как экономическая система стран – экспортеров нефти опирается на доходы от природно-ресурсной базы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Hossein M. “The Pattern and Problems of Economic Development in Rentier States: The Case of Iran”, in *Studies in the Economic History of Middle East*, ed. M.A Cook (Oxford: Oxford University Press, 1970).
- [2] Beblawi H., Luciani G. *The Rentier State*, London. Ney York. Croom Helm, 1987.
- [3] Malik Adeel. “Rethinking the Rentier Curse” in G. Luciani (ed.). “Combining Economic and Political Development: The Experience of MENA”, *International Development Policy series 7*, 2017 (Geneva: Graduate Institute Publications, Boston: Brill-Nijhoff).
- [4] S. Erdem Aytac., Michael Mousseau., Omer Faruk Orsun Why some countries are immune from the resource curse: The role of economic norms. *Democratization*, 2016. Vol. 23, No. 1, pp. 71–92, URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13510347.2014.964216>. Дата обращения: 18.06.2019.
- [5] Fakhraei P. *Examining Rentier State. Theory in the Case of Iran before and after Revolution*. Thesis. Master of Political Science/ Public Policy and Governance. June 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/328927002_Examining_rentier_state_theory_in_the_case_of_Iran_before_and_after_revolution. Дата обращения: 18.06.2019.
- [6] Benli Altunışık, Meliha. “Rentier State Theory and the Arab Uprisings: An Appraisal”, *Uluslararası İlişkiler*. Volume 11, No. 42 (Summer 2014), pp. 75-91.
- [7] Qasem Islam Yasin Neo-Rentier Theory: The Case of Saudi Arabia (1950-2000). Doctoral thesis. Damask, 2010. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/14746/doctoral%20thesis.PDF?sequence=1>. Дата обращения: 18.06.2019.
- [8] Rutledge, Emilie *The Rentier State/Resource Curse narrative and the state of the Arabian Gulf*. UAEU. MPRA Paper No. 59501, posted 01 Nov 2014 09:43 UTC. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/59501/>. Дата обращения: 18.06.2019.
- [9] Motevalian Dena *Oil Revenues and Rentier States. How did Economic Sanctions and Subsidy Reforms Affect Iranian Lower-Middle Class During the Presidency of Ahmadinejad in Iran?* URL: <http://jpinyu.com/wp-content/uploads/2017/05/Oil-Revenues-and-Rentier-States.pdf>. Дата обращения: 18.06.2019.
- [10] Rutledge, Emilie *The Rentier State/Resource Curse narrative and the state of the Arabian Gulf*. UAEU. MPRA Paper No. 59501, posted 01 Nov 2014 09:43 UTC. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/59501/>. Дата обращения: 19.06.2019.
- [11] *Saudi Oil Company Named World’s Most Profitable Business*. The Gurdian. April 1, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/business/2019/apr/01/saudi-aramco-oil-world-most-profitable-business-apple-exxon>. Дата обращения: 18.06.2019.
- [12] Hartley P.R., Medlock K.B. *Changes in the Operational Efficiency of National Oil Companies*. Rice University and University of Western Australia. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/d2ab/6fa3d32f441f8663effc9d9d556a6eb054b3.pdf>. Дата обращения: 19.06.2019.
- [13] Gray Matthew *A Theory of “Late Rentierism” in the Arab States of the Gulf*. 2011 Center for International and Regional Studies. Georgetown University School of Foreign Service in Qatar. Occasional Paper No. 7. URL: <https://repository.library.>

- georgetown.edu/bitstream/handle/10822/558291/CIRSOccasionalPaper7MatthewGraу2011.pdf . Дата обращения: 19.06.2019.
- [14] Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов (утв. Министерством финансов Российской Федерации). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308390/. Дата обращения: 19.06.2019.
- [15] Inflationary Trends in Saudi Arabia. KPMG in Saudi Arabia. August, 2019.
- [16] Meissner H., Martina-David E., Leitner J. Resource Driven Growth in Azerbaijan and Russia – Changes and Risks in Times of Economic Crisis. 9th International ASECU Conference on “Systemic Economic Crisis: Current Issues and Perspectives. Vienna. URL: http://www.asecu.gr/files/9th_conf_files/meissner-david-and-leitner.pdf. Дата обращения: 19.06.2019.
- [17] Sez nec Jean-François Saudi Energy Changes The End of the Rentier State? Atlantic Council Global Energy Center. March 2016, Washington, DC 2005. URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2016/03/Saudi_Energy_Changes_web_0323.pdf . Дата обращения: 21.06.2019.
- [18] BP Statistical Review of World Energy 2019: an unsustainable path. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-statistical-review-of-world-energy-2019.html>. Дата обращения: 21.06.2019.
- [19] ТАСС. 17.12.2019. URL.: <https://tass.ru/ekonomika/7285787>. Дата обращения: 21.06.2019.

Информация об авторе:

Гукасян Гурген Левонович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (РУДН) (ORCID ID: 0000-0001-5930-6870) (e-mail: gukasyan.gurgen@yandex.ru, gukasyan_gl@pfur.ru)

Research article

The State and the “Rentier Economy” in Oil Exporting Countries

G.L. Ghukasyan

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Ulitsa Rozhdestvenka str., 12, Moscow, Russian federation 107031

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation 117198

In the new foreign economic conditions that have arisen as a result of a significant deformation of the cyclical dynamics of the world oil market, the views on the model of the so-called “rentier state” and “rentier economy” that apply to oil exporting countries in Asia, Africa, Latin America, and also to the states of the post-Soviet space, including the Russian Federation, Kazakhstan, Azerbaijan and Turkmenistan, are of certain interest. For these states, in the face of declining oil export revenues, the question of changing the “rentier model” of development is relevant. At the same time, the recommendations of foreign authors are not ac-

ceptable in many aspects, but their analysis allows us to approach problems of overcoming the “raw nature” of the economy more comprehensively.

Keywords: “rentier state”, “rentier economy”, oil exporting countries, world oil market, paternalism, stability, diversification, non-oil sector, economic structure, budget

REFERENCES

- [1] Hossein M. “The Pattern and Problems of Economic Development in Rentier States: The Case of Iran”, in *Studies in the Economic History of Middle East*, ed. M.A Cook (Oxford: Oxford University Press, 1970).
- [2] Beblawi H., Luciani G. *The Rentier State*, London. Ney York. Croom Helm, 1987.
- [3] Malik Adeel. “Rethinking the Rentier Curse” in G. Luciani (ed.). “Combining Economic and Political Development: The Experience of MENA”, *International Development Policy series 7*, 2017 (Geneva: Graduate Institute Publications, Boston: Brill-Nijhoff).
- [4] S. Erdem Aytac., Michael Mousseau., Omer Faruk Orsun. Why some countries are immune from the resource curse: The role of economic norms. *Democratization*, 2016. Vol. 23, No. 1, pp. 71–92, URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13510347.2014.964216> . Accessed: 18.06.2019.
- [5] Fakhraei P. Examining Rentier State. Theory in the Case of Iran before and after Revolution. Thesis. Master of Political Science/ Public Policy and Governance. June 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/328927002_Examining_rentier_state_theory_in_the_case_of_Iran_before_and_after_revolution. Accessed: 18.06.2019.
- [6] Benli Altunışık, Meliha. “Rentier State Theory and the Arab Uprisings: An Appraisal”, *Uluslararası İlişkiler*. Volume 11, No. 42 (Summer 2014), pp. 75-91.
- [7] Qasem Islam Yasin. *Neo-Rentier Theory: The Case of Saudi Arabia (1950-2000)*. Doctoral thesis. Damask, 2010. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/14746/doctoral%20thesis.PDF?sequence=1>. Accessed: 18.06.2019
- [8] Rutledge, Emilie. The Rentier State/Resource Curse narrative and the state of the Arabian Gulf. UAEU. MPRA Paper No. 59501, posted 01 Nov 2014 09:43 UTC. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/59501/>. Accessed: 18.06.2019.
- [9] Motevalian Dena. Oil Revenues and Rentier States. How did Economic Sanctions and Subsidy Reforms Affect Iranian Lower-Middle Class During the Presidency of Ahmadinejad in Iran? URL: <http://jpinyu.com/wp-content/uploads/2017/05/Oil-Revenues-and-Rentier-States.pdf> . Accessed: 18.06.2019.
- [10] Rutledge, Emilie. The Rentier State/Resource Curse narrative and the state of the Arabian Gulf. UAEU. MPRA Paper No. 59501, posted 01 Nov 2014 09:43 UTC. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/59501/>. Accessed: 19.06.2019.
- [11] Saudi Oil Company Named World’s Most Profitable Business. *The Gurdian*. April 1, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/business/2019/apr/01/saudi-aramco-oil-world-most-profitable-business-apple-exxon>. Accessed: 19.06.2019.
- [12] Hartley P.R., Medlock K.B. Changes in the Operational Efficiency of National Oil Companies. Rice University and University of Western Australia. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/d2ab/6fa3d32f441f8663effc9d9d556a6eb054b3.pdf>. Accessed: 19.06.2019.
- [13] Gray Matthew. A Theory of “Late Rentierism” in the Arab States of the Gulf. 2011 Center for International and Regional Studies. Georgetown University School of Foreign Service in Qatar. Occasional Paper No. 7. URL: <https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/558291/CIRSOccasionalPaper7MatthewGray2011.pdf>. Accessed: 19.06.2019.

- [14] “The main directions of the budget, tax and customs tariff policy for 2019 and for the planning period of 2020 and 2021 anniversaries” (approved by the Ministry of Finance of the Russian Federation.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308390/. Accessed: 19.06.2019.
- [15] Inflationary Trends in Saudi Arabia. KPMG in Saudi Arabia. August, 2019.
- [16] Meissner H., Martina-David E., Leitner J. Resource Driven Growth in Azerbaijan and Russia – Changes and Risks in Times of Economic Crisis. 9th International ASECU Conference on “Systemic Economic Crisis: Current Issues and Perspectives. Vienna. URL: http://www.asecu.gr/files/9th_conf_files/meissner-david-and-leitner.pdf. Accessed: 19.06.2019.
- [17] Sez nec Jean-François. Saudi Energy Changes The End of the Rentier State? Atlantic Council Global Energy Center. March 2016, Washington, DC 2005. URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2016/03/Saudi_Energy_Changes_web_0323.pdf. Accessed: 19.06.2019.
- [18] BP Statistical Review of World Energy 2019: an unsustainable path. <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-statistical-review-of-world-energy-2019.html>. Accessed: 21.06.2019.
- [19] TASS. 17.12.2019. <https://tass.ru/ekonomika/7285787>. Accessed: 21.06.2019.

Information about the author:

Ghukasyan Gurg en Levonovich – Phd in Economics, Senior Researcher of Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, associate professor of the Department of State and Municipal Management, Faculty of Humanitarian and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN university). 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow 117198, (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-5930-6870) (e-mail: gukasyan.gurg en@yandex.ru, gukasyan_gl@pfur.ru)

DOI: 10.22363/2312-8313-2019-6-3-193-212

Research article

Study on the Effectiveness of Internal Control Systems in Ghana Public Sector: a Look Into the District Assemblies. Part 1

E. Owusu-Ansah

Kuban State University
Stravropolskaya Street 149, Russia, Krasnodar, 350040

Assessing the effectiveness of the internal control system in the public sector is one of the surest way to identify if public institutions are working effectively to achieve corporate objectives. The objective of the study is to assess the effectiveness of the internal control systems in the MMDA'S. The study made use of convenience and purposive sampling method to sample data. It was observed that there is an existence of internal control system in the Adenta Municipal Assembly and it is very effective in the achievement of the Assembly's objectives. The Writer recommended that the government should employ more personnel who are members of the professional bodies such as the ICA Ghana, ACCA, and CIMA into the unit, this is because with their knowledge and in-depth study of their profession it will help to reduce the problems of internal control as highlighted in this work.

Keywords: internal control systems; effectiveness; public sector; ADMA; adenta municipal assembly; Ghana

Introduction

The internal control system is the major part in any organization. "Internal control is the process designed and affected by those charged with governance, management and other personnel to provide reasonable assurance about achievement of entity's objectives with regard to reliability of financial reporting, effectiveness and efficiency of operations and compliance with applicable laws and regulations. It follows that internal control is designed and implemented to address identified business risks that threaten the achievement of any of these objectives.". According to Millichamp, [1], The Institute of Chartered Accountants of

© Owusu-Ansah E., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

England and Wales (ICAEW), “internal Control system is the whole system of controls, financial or otherwise, established by the management in order to carry on the business of the enterprise in orderly and efficient manner, ensure adherence to management policies, safe guard assets and secure as far as possible the completeness and accuracy of records”. It comprises of following components [2]:

- The control environment
- The entity’s risk assessment process
- The information and communication system,
- Control activities
- Monitoring

The public sector in Ghana is unique sector in the economy. It provides different kind of services to the Ghanaian citizens and handles massive volume of funds daily. For instance, the District Assemblies as part of the public sector mission is to improve livelihoods and provide adequate socioeconomic infrastructure in an equitable and sustainable manner for its people through effective stakeholder collaboration within a secure, decentralised system of governance and sound environmental management. In furtherance of these objectives, the District Assemblies Common Fund (DACF) was established and has been in operation for over a decade. Due to these facts the necessity of internal control system in the public sector of Ghana cannot be undermined. A system of tough internal controls can support to ensure that the goals and objectives of Assemblies will be met, that the Assemblies will help to attain long-term targets, and maintain reliable financial and managerial reporting. Such a system can also help to ensure that the Assemblies will comply with laws and regulations as well as policies, plans, internal rules and procedures and decrease the risk of unexpected losses or damage to the local government reputation. This helps management to safeguard the organization’s resources, produce reliable financial reports and comply with laws and regulations. Meantime it reduces possibilities of substantial errors and irregularities and assists in their timely detection when they do occur.

Also this control system may discover mistakes caused by personal distraction, carelessness, error in judgment or unclear instructions in addition to frauds or deliberate noncompliance with policies. Therefore the Assemblies’ staff must have proper knowledge on its internal controls and be consistently applied too. These controls include division of work, job rotation, authority levels, separation custody and recording and accounting controls.

As discussed above, internal control serves as the strength of every organization; the reason being that the control system in any organization is a pillar for efficient accounting system. The establishment of an effective system that is capable of preventing fraud and also ensuring government transactions are carried out under lawful procedure is essential. The essence being that, effective and efficient use of government resources has necessitated the need to establish sophisticated internal control systems that would prevent fraudulent practices, financially or otherwise. Therefore, increasing attention is being paid to methods of internal control in recent years. Not only the complexity of modern business techniques

but also the size of business unit encourage the adoption of methods which, whilst increasing the deficiency of public sector business, also as safeguard against errors and fraud.

A survey by Klynveld Peat Marwick Goerdeler (KPMG) found that sixty per cent (60%) of fraud are committed in a business and it's due to weak internal controls. Common frauds include double payment of invoices and payment being made for work that had never been performed. These mistakes are a signal to the outside world that the internal controls are weak and the firm is a target for further abuse.

Most professionals and public sector managers believe that internal control is the tool to prevent the risk of major failure in this sector. This has necessitated a research to examine the effectiveness of internal controls system in the Adentan Municipal Assembly-ADMA.

Statement of the Problem

Most often, there is lack of mutual understanding with regards to the effective functioning of Internal Control mechanisms and the management functions of organizations with regards to planning process, each other's role and working together to facilitate effective organization arrangements. A situation that often results in antagonisms and confusion in the governance processes of many government organizations.

Internal Control Mechanisms in public sector organizations are often misconstrued and often aligned with political and management affiliations rather than they being looked at objectively and holistically. This state of affairs often results in mistrust of the public in the Internal Controls in the public sector, particularly in the local government systems.

Further, the reporting lines of the Internal Audit Units in the organizational structure of the Assemblies tend to conflict with other functions of numerous monitoring and review teams in the local government system thereby affecting negatively the independence of the Internal Audit Unit and the scope of their work.

Without over emphasizing the immense benefits of internal controls in public sector organizations and to the citizenry, coupled with recent revelations of financial malfeasances in many local government institutions, particularly the assemblies as unearthed by the Public Accounts Committee (PAC) of Parliament. Misapplications and misappropriations of district assembly funds cited in the Report of the Auditor General on the Accounts of District Assemblies for the year ended 31 December 2010 pages 16, 26, 28 and 50 in contravention of

Part VII Section 2, Part VIII Sections 1 and 2 of the Financial Memoranda for District Assemblies, 2004 and Section 179 (1) of the Financial Administration Regulations, 2004 are a few of the financial malpractices in the public sector which boils largely to weak and ill functioning internal controls. This study therefore seeks to assess the role of internal controls in Public Sector Organizations and for that matter the district, municipal and metropolitan assemblies of Ghana. Accordingly, the practice boundaries between what are internal controls versus

managerial reviews/oversight, and what are controls in general versus other assessments or evaluation functions constitute what this study seeks to unearth.

In recent years, programmes have been developed by sub-region African countries to include new ideas which are directed towards bringing in improved techniques in services provided by government in general.

In Ghana for instance public sector financial management have over the past decade under gone various reform which included Programme of Action to Mitigate Against Social Cost of Adjustment and Development (PAMSCAD), Public Financial Management Programme (PUFMAP), Budget Performance and Expenditure Management System (BPEMS) and the Ghana Integrated Financial Management Information System (GIFMIS) all of which seek to strengthen the internal control systems in the public sector to have an efficient and wasteless financial management system.

However, recent accounting frauds by many of our public sector institution have created mistrust among users towards organizations. These incidences create consequences which have an economic impact. For the public to have the most beneficial impact of the Assemblies operations, it is essential that the Assemblies report the results of their work promptly, be it financial or operational and not just to elected and appointed representatives but also to management of the assemblies. Some executives of many organizations have sought ways to control the enterprises that they run. Internal controls help an organization to achieve its objectives.

Not only the District Assemblies, the Daily Graphic, Friday, October 19,2007 on pages 1&3 reported the embezzlement of GH¢5.5bn of withholding taxes belonging to the Internal Revenue Service (IRS) by two officials of the service due to ineffective internal controls and supervision over the work of the culprits. The report therefore urged managers to be more serious about effective internal controls in order to detect and prevent such acts to avoid losses to organizations.

An increasing change in the organizations environment has become a common feature in modern organizations and business which call for effective internal control systems to promote efficiency, effectiveness and compliance with rules and regulations. There have been calls for better internal controls in organizations. Internal controls are therefore looked upon more and more as a solution to a variety of potential problems in public organizations in Ghana.

These risk exposure and cases of fraud have prompted the study to analyze effectiveness of the internal control system in the Adentan Municipal Assembly in Accra.

Objectives of the Study

The broad objective of this research work is to examine the effectiveness of internal controls system in the Adentan Municipal Assembly-ADMA.

In order to accomplish the above general objective, the study sought to address the following specific objectives:

i) To identify the various forms, measures and mechanisms put in place to enhance the effectiveness of internal controls in the Adentan Municipal Assembly – ADMA.

ii) To identify and assess the key element of an effective and efficient internal control function.

iii) Identify the major problems that inhibit the effective and efficient functioning of internal controls in the accomplishment of the ADMA goals.

Research Questions

Related to the problem, the research sought to address the following questions

i) What are the various forms and mechanisms put in place to enhance the effectiveness of internal control at ADMA?

ii) What are the key elements of an effective and efficient internal control function at ADMA?

iii) What are the major problems that inhibit the effective and efficient functioning of internal controls at ADMA?

Significance of the Study

The importance of this study cannot be overemphasized, as it will set out to unearth how an effective and efficient internal control function impacts positively on good governance and accountability in public sector organizations; it will also unearth as well the negative impacts of ineffective and inefficient internal control mechanisms impacts on governance of public sector entities. Thereby helping policy formulators and decision makers in public entities to know the kind of policy instruments regarding good governance that will help them to shape their respective organizations and institutions so as to make them more efficient and viable and vision oriented.

As evident in the introduction, internal controls form the cornerstone of good governance in all organizations. In the public sector, internal controls have a major role to play in protecting public interest relating public funds as well other important aspects of the purpose of public institutions. It is therefore not out of place to assess and take stock of internal control activities' impact on good governance in the Ghanaian public sector entities in order to help plan the way forward.

The study will also seek to provide an opportunity to policy makers (government) to harness the most benefits out of the internal control function and tools by identifying loopholes in the existing processes/mechanisms and knowing how it impacts on good governance in government activities.

Lastly, it seeks to add to the knowledge and existing literature and also to serve as a pivot for future research work in the area or subject matter.

Scope of the Study

The research will be limited to activities in the public sector specifically the district assemblies. There are currently several metropolitan, municipal, and assemblies (MMDAs) in the country. However for the purpose of the study, Adentan Municipal Assembly (ADMA) will be selected for investigation and analysis. The study will focus on internal control systems in the organization, their roles, and objectives and how they impact decision making.

Literature Review

Elements of internal control

Internal controls systems (as appropriately and initially defined by the Auditing Practices Committee of United Kingdom) includes the whole system of controls, financial and otherwise, established by management in order to carry on the business of the enterprise in an orderly and effective manner, ensure adherence manner to management policies, safeguard the assets and secure as far as possible the complete accuracy of the record. The auditing committee of United Kingdom describes the elements of internal control systems in the auditor's operational standard as:

Organisation control

An organisation should have a plan of its activities which should define and allocate responsibilities, that is, every function should be monitored by a specific person who may be called "responsibility officer". Adequate lines reporting for all aspects of the organization's operations, including controls, should be clearly stated and the delegation of authority and responsibility should be clearly specified..

Arithmetic and Accounting

These controls ensures that the transaction to be recorded and processed have been correctly recorded, accurately processed and have been authorized. Such controls include checking the arithmetical accuracy of the records, the maintenance and checking of totals, reconciliations, controls accounts and trial balance

Personnel:

Personnel are very important features to be considered in setting up any control system. It should have the capabilities to employ qualified staff and be responsible for the selection and training as well as looking for the characteristics suitable for the various jobs

Supervision:

Any system of internal control should include the supervision by responsible officials of day – to – day transactions and the recording thereof by responsible officials

Management

These are the controls exercised by management outside the day – to – day routine of the system. They include the overall supervisory controls, (exercised by management), the review of management accounts and comparison of actual expenditures with budgets and any other special review procedures.

Moreover, management can assess the performance of officials by the use of some management tools as budgetary control, management by objectives etc.

Segregation of duties

One of the prime means of control is separation of duties. This reduces the risk of internal manipulations, accidental error and increases the element of checking. Functions which should be separated in an organization's financial management include: initiation (officer or person who decides to give out a loan), Execution (the person who keeps the money to be loan out) and recording (the person who records the whole process in the book). System development and daily operations have to be considered in molding the internal control system to be full proof against fraud.

Physical control

This concerns the physical custody of assets and involves procedures and security measures designed to limit access to authorised personnel only. These include both direct and indirect access via documentations. These controls assume importance in the case of valuable, portable, exchangeable or desirable assets. Physical control can also be achieved by electronic means in a computerised environment, for example through the use of electronic identification cards and password to restrict access to particular file.

Authorisation and approval

All transactions should require authorization by an appropriate responsible person. This is very important in the financial system of an organization where large amount of money is handled, so therefore, it is appropriate for monies which are used for various transactions to be authorised by a trusted and responsible person.

Components of the Control System

Internal controls systems operate at different levels of effectiveness. “it is necessary that a system have certain elements or characteristics to increase the likelihood that accounting records will be reliable and that safeguarding of assets will be dependable” [3. P. 11].

The way in which internal controls are designed and implemented varies with the entity's size and complexity. Specially, smaller entities may use less formal means and simpler processes and procedures to achieve their objectives. For example, smaller entities with active management involvement may not have extensive descriptions of accounting procedures or detailed written policies. For

some entities, in particular very small ones, management or managers may perform functions which in a larger entity would be regarded as belonging to several components of internal control. Thus, the components of internal control may not be clearly distinguished within smaller entities, but their underlying purposes are equally valid.

According to Arens & Co [3. P. 11]; the Committee of Sponsoring Organization of the Treadway Commission (COSO) report and the international standards on Auditing, ISA 315 stipulate the following as the five components of internal control:

- Control environment,
- Risk assessment,
- Control activities
- Information and communication
- Monitoring

There is a direct relationship between objectives, which are what an entity strives to achieve, and the components, which represent what is needed to achieve the objectives. The relationship can be depicted by a three – dimensional matrix:

- The three objectives categories – operations, financial reporting, and compliance the five components
- The units or activities of an entity, to which internal control relates.

Control Environment

Ofori, Douglas, Millichamp [1], Amudo & Inanga, Whittington & Pany [4], Messier, Sri Lanka Auditing Standards have mentioned that Control environment is the attitude toward internal control and control consciousness established and maintained by the management and the employees of an organization. It may be viewed as the foundation for other components of internal control providing discipline and structure. Millichamp describes control environment as the overall attitude, awareness and actions of directors and management regarding internal controls and their importance in the entity [1]. Seven factors affecting the control environment include management's philosophy and operating style, integrity and ethical values, a commitment to the competence, board of directors or audit committee, organizational structure, assignment of authority and responsibility and human resource policies and practices respectively.

The control environment, serves as an umbrella for the other four components, Arens & Co. [3. P. 11]. It is the overall control consciousness of an organization effected by management through policies, procedures, ethical standards, and monitoring processes. This reflects the board of directors and management's firm decision to internal control. The control environment includes management philosophy seen in its vision and mission for the organization. The element of control environment also encompass the organizational structures which specify

responsibility in the performance of financial and non – financial duties, management operating style, attitude, ethical values, the integrity, skill and competence of personnel. They are the policies and procedures that help ensure that management directives are carried correctly and in a timely fashion. Lannoye. These involves control activities such as performance reviews, information processing, physical controls, and segregation of duties, these activities are implemented by management to ensure accomplishment of organizational objectives and the mitigations of risk.

DiNapoli [5] postulated that the control activities are the instructions, rules, methods and decisions established over various activities by management to prevent or reduce risks that affect the organization in achieving its objectives.

Control activities occur at all levels and functions of the entity. They include a wide range of activities such as approvals, authorization, verifications, reconciliations, performing reviews, maintenance of security and the creation and maintenance of related records which provide evidence of execution of these activities as well as appropriate documentation.

However, the control environment is summarized into five principles.

1. The organization demonstrates a commitment to integrity and ethical values.
2. The board of directors demonstrates independence of management and exercises oversight for the development and performance of internal control.
3. Management establishes, with board oversight, structures, reporting lines, and appropriate authorities and responsibilities in the pursuit of objectives.
4. The organization demonstrates a commitment to attract, develop and retain competent individuals in alignment with objectives
5. The organization holds individuals accountable for their internal control responsibilities in the pursuit of objectives.

Risk Assessment

Every entity faces a variety of risk from external and internal source that must be assessed. Risk assessment is the process or procedure an organization goes through in the identification and analysis of relevant risks to the achievement of the objectives, forming a basis for determining how the risk should be managed.

Risks are the happenings that threaten the achievement of objectives. They finally affect an organization's ability to achieve its mission. Risk assessment is the process of detecting, assessing and determining how to succeed these things. There are both internal and external risks that could prevent the achievement of established objectives at the every level in an organization. Therefore, management should take necessary actions to prevent these risks. But, sometimes management cannot avoid the risk from occurring. In these situations, management should determine whether to accept the risk, reduce it up to the acceptable levels, or avoid. So management should ensure each risk is assessed and handled properly to achieve its objectives.

Risk assessment involves using professional judgment carefully in identifying and evaluating factors which can affect the organization adversely and result in possible losses both financially and non – financially.(Douglas, Ofori, Messier, Whittington & Pany [4]).

According to COSO [2], there are four principles relating to risk assessment, these principles are:

1) The organization specifies objectives with sufficient clarity to enable the identification and assessment of risk relating to objectives

2) The organization identifies risk to the achievement of its objectives across the entity and analyses risk as a basis for determining how the risk should be managed.

3) The organization considers the potential for fraud in assessing risk to the achievement of objectives

4) The organization identifies and assesses changes that could significantly impact the system of internal control.

Control Activities

Control activities are tools – both manual and automated – that help prevent or reduce the risks that can impede accomplishment of the organization's objectives and mission. Management should establish control activities to effectively and efficiently accomplish the organization's objectives and mission. Messier noted that control activities are the policies and procedures that help ensure that necessary actions are taken to address the risks involved in the achievement of the entity's objectives. Accordingly the control activities that are relevant to the audit include:

- Performance review
- Information processing
- Physical control.
- Segregation of duties.

Amudo & Inanga viewed that authorization, segregation of duties, verification before making the payments, control over access to resources, reconciliation, review operations and supervision as the control activities in any organization.

Management should establish control activities that are effective and efficient. Control activities occur at all levels and functions of the entity. He provided the following as example of control activities:

1. Top level reviews of actual performance,
2. Reviews by management at the functional or activity level,
3. Management of human capital,
4. Controls over information processing,
5. Physical control over vulnerable assets,
6. Establishment and review of performance measures and indicators,
7. Segregation of duties,

8. Proper execution of transaction and events,
 9. Accurate and timely recording of transactions and events,
 10. Access restrictions to and accountability for resources and records, and
 11. Appropriate documentation of transactions
- (Douglas, Ofori, Messier, Whittington & Pany [4])

Information and Communication

Pertinent information must be identified, captured and communicated in a form and time frame that enable people to carry out their responsibilities. Information systems produce reports, containing operational, financial and compliance-related information, that make it possible to run and control the business. They deal not only with internally generated data, but also information about external events, activities and conditions necessary to informed business decision-making and external reporting. Effective communication also must occur in a broader sense, flowing down, across and up of the organization. All personnel must receive a clear message from top management that control responsibilities must be taken seriously. They must understand their own role in the internal control system, as well as how individual activities relate to the work of others. They must have a means of communicating significant information upstream. There also need to be effective communication with external parties, such as customers, suppliers, regulators and shareholders.

There are three principles relating to information and communication, these principles are as follows:

- 1) The organization obtains or generates and uses relevant, quality information to support the functioning of other components of internal control.
- 2) The organization internally communicate information, including objectives and responsibilities for internal control , necessarily to support the functioning of other components of internal control
- 3) The organization communicates with external parties regarding matters affecting the functioning of other components of internal controls.

Monitoring Activities

Internal control system and application of controls change overtime. This can be due to the arrival of new personnel, varying effectiveness of implementing the procedures or supervision, time and resource constraints or changes in the circumstances for which the internal control system originally was designed. Thus the management needs to determine and observe whether the internal control system continues to be relevant and effective in the entity as intended. The purpose of monitoring is to determine whether internal control is adequately designed, properly executed, and effective. Internal control is adequately designed and properly executed if all five internal control components (Control Environment,

Risk Assessment, Control Activities, Information and Communication, and Monitoring) are present and functioning as designed.

Monitoring, the last component of internal control, is a process that assesses the quality of internal control over time. Also, monitoring is the evaluation of an organization's events and transactions to gauge the quality of performance throughout the period and to decide whether controls are effective. Management should emphasize monitoring efforts on internal control and accomplish the organization's objectives. It is important to monitor internal control to determine whether it is operating as intended and whether any modifications are necessary. All employees need to understand the organization's mission, objectives, and responsibilities and risk tolerance levels for monitoring to be most effective. Simmons posited that monitoring can be done through ongoing activities or separate evaluations.

Ongoing monitoring activities include regularly performed supervisory and management activities such as continuous monitoring of customer complaints or reviewing the reasonableness of management reports. Separate evaluations are monitoring activities that are performed on a non-routine basis such as periodic audits by internal auditors.

In evaluating the extent to which the effectiveness of internal control is monitored, the following criteria in ongoing monitoring activities, separate evaluations and reporting deficiencies should be considered. (COSO [6]).

❖ Ongoing monitoring

- Extent to which personnel, in carrying out their regular activities, obtain evidence as to whether the system of internal control continues to function;
- Corroboration of the communication from external parties with internally generated information;
- Periodic comparison of amounts recorded by the accounting system with existing assets and liabilities;
- Feedback to management whether controls operate effectively;
- Effectiveness of internal audit activities

❖ Separate evaluation

- Scope and frequency of separate evaluation of internal control
- Appropriateness and logic of evaluation process and methodology
- Appropriateness of the level of documentation

❖ Reporting deficiency

- Existence of the mechanism for capturing and reporting identified internal control deficiencies;
- Appropriateness of reporting protocols and follow-up actions

Monitoring includes management's methods for following up and checking on performance to ensure that controls are complied with. With the monitoring component, the internal control has made a circle and monitoring activity helps to improve control activities, information systems as well as the overall control environment. (Messier, Whittington & Pany [4], Douglas, Simmon, Ofori).

Types of Internal Control

Internal controls basically fall into two broad categories; these categories can be either preventive or detective. However, different writers have come out with different types of internal control systems. Milichamp indicates that the types of internal controls are safeguarding of assets, separation of duties, supervision, verification, approval and authorization, documentation and reporting.

Other authors such as Lousteau [7], the state university of New York and DiNapoli [5] have agreed that the types of internal controls includes directive controls, preventive controls, compensating controls, detective controls and corrective actions. The type of internal control systems adopted in an organization depends on the varying requirement of an organization. However, the most common types that are implemented in most organizations include preventive internal control, detective internal control and corrective internal control.

These types of internal controls are explained below.

Preventive Controls

They are the steps taken to deter or prevent undesirable events from occurring. They are proactive controls that help to prevent a loss. Examples of preventive controls are listed below:

1) Controls are separation of duties; duties are segregated among different people to reduce the risk of error or inappropriate action. Normally, responsibilities for authorizing transactions (approval), recording transactions (accounting) and handling the related assets (custody) are divided.

2) Proper authorization, management authorizes employees to perform certain activities and to execute certain transactions within limited parameters. In addition, management specifies these activities or transactions that need supervisory approval before they are performed or executed by employees. A supervisor's approval (manual or electronic) implies that he or she has verified and validated that the activity or transaction conforms to established policies and procedures.

3) Adequate documentation, and

4) Physical control of assets. Access to equipment, inventories, securities, cash and other assets is restricted; assets are periodically counted and compared to amounts shown on control records.

Detective Controls

The measures a company uses to attempt to detect undesirable acts, so they can be corrected, ideally as promptly as possible. They provide evidence that a loss has occurred but do not prevent a loss from occurring. Examples of detective controls are: review of performance, management compares information about current performance to budgets, forecasts, prior periods, or other benchmarks to measure the extent to which goals and objectives are being achieved and to identify unexpected results or unusual condition that requires follow – up. Gupta, P. [8].

Reconciliation, an employee relates different sets of data to one another, identifies and investigates differences, and takes corrective action, when neces-

sary. The common type of reconciliation is bank reconciliation and stock requisition reconciliation.

Audits, most companies hold regular external and internal audits to review financial statements, scrutinize departments, and determine if there are any irregularities.

Controls over information systems (preventive and detective): control over information systems are grouped into two broad categories- general controls and application controls.

General controls commonly include controls over data center operations, system software acquisition and maintenance, access security, and application system development and maintenance.

Corrective Controls

Simmons the corrective controls are put in place to address anything which is foreign and every problem that has occurred in the system. Examples of corrective control are system re – design, follow –ups, post audits and application of punishments by management for wrong doing.

Directive Controls

Directive controls refers to policies and procedure put in place by top management to promote compliance with independence rules. The policies and procedures from management that are important must pervade the organization and must be clear and consistent in order to ensure compliance, Rittenberg et al [9].

Compensating Controls

According to Drury, C. [10], compensating controls are put in place for lack of controls elsewhere in the system. For example, firms with an electronic database could maintain a hard copy of the client list in the office library. Such a list would compensate for downtime in electronic system and difficulties in locating client names in an electronic system.

These types of control are essential to an effective internal control system. From a quality standpoint, preventive controls are essential because they are proactive and emphasize quality.

However, detective controls play a critical role providing evidence that the preventive controls are functioning and preventing losses.

In addition, management specifies those activities or transactions that need supervisory approval before they are performed or executed by employees. A supervisor's approval (manual or electronic) implies the he or she has verified and validated that the activity or transaction conforms to established policies and procedures.

Objectives of Internal Controls

Internal control objectives are desired goals or conditions for a specific event cycle which, is achieved, minimize the potential that waste, loss, unauthorized use or misappropriation will occur, IT Governance institute [11]. They are the condi-

tions which we want the system of internal control to satisfy. For a control objective to be effective, compliance with it must be measurable and observable.

Internal audit evaluates the organization's system of internal control by accessing the ability of individual process controls to achieve seven pre-defined control objectives. The control objectives include:

1) **Authorization**, the objective is to ensure that all transactions are approved by responsible personnel in accordance with their specific or general authority before the transaction is recorded.

2) **Completeness**, the objective is to ensure that no valid transactions have been omitted from the accounting records. (All receiving documents are matched to purchase orders)

3) **Accuracy**, the objectives is to ensure that all valid transaction is accurate, consistent with the originating transaction data, and information is recorded in a timely manner. (Receipts of inventory are correctly recorded in the accounting system).

4) **Validity**, the objective is to ensure that all recorded transactions fairly represent the economic events that actually occurred, are lawful in nature, and have been executed in accordance with management's general authorization. (Purchase is supported by purchase orders, receiving documents, and invoices).

5) **Physical Safeguards and Security**, the objective is to ensure that access to physical assets and information systems are controlled and properly restricted to authorize personnel.

6) **Error Handling**, this objective is to ensure that errors detected at any stage of processing receive prompt corrective action and are reported to the appropriate level of management.

7) **Segregation of Duties**, this objective is to ensure that duties are assigned to individuals in a manner that ensures that no one individual can control both the recording function and the procedures relative to processing a transaction.

Importance of Internal Control Systems

It is extremely important that every organization should have an efficient internal control system, Barnabas, C. [12]. As the definition of internal control system indicates, a proper internal control system will ensure;

- 1) Orderly and efficient running of the business
- 2) Adherence to management policies
- 3) Safeguarding the assets and securing as far possible the completeness and accuracy of the records
- 4) Considering of the likelihood of error in the system of internal control.

Limitation of Internal Control Systems

There is no such thing as a perfect control system, no matter how will the internal controls is designed; they can only provide a reasonable assurance that the

objectives will be achieved R. T. Yeh & S. H. Yeh [13]. Designing and implementing effective systems of internal control requires management to clearly understand agency objectives and its operating environment.

Management also needs to recognize the inherent limitations in the design and application of system that may impact on the ultimate delivery of agency objectives and services.

These inherent limitations include:

1) Judgment

The effectiveness of controls will be limited by decisions made with human judgment under pressures to conduct business based on the information available at hand. According to INTOSAI (2004), the effectiveness of controls is limited by the realities of human frailty in the making of business decisions. Such decision must be made with human judgment in the time available, based on information at hand, and under the pressures of the conduct of business. Some decisions are based on human judgment may later, with the clarity of hindsight, be found to produce less than desirable results, and may need to be changed.

2) Breakdowns

Employees sometimes misunderstand instructions or simply make mistakes. Errors may also result from new technology and the complexity of computer information systems, carelessness, distraction, or being asked to focus on too many tasks, King, A.M. (2011). For example, an accounting department supervisor responsible for investigating exception might simply forget or fail to pursue the investigation far enough to be able to make appropriate corrections. Temporary personnel carrying out control duties for vacationing or sick employees might not perform correctly. System changed may be implemented before personnel have trained to react appropriately to signs of incorrect functioning.

3) Management Override

High level personnel may be able to override prescribed policies or procedures for personal gains or advantages. This should not be confused with management intervention, which represents management actions to depart from prescribed policies and procedures for legitimate purposes. According to Committee of Sponsoring Organizations of the Treaway Commission (COSO) (1992), a manager of a division or operating unit, or a member of senior management, might override the control for many reasons: to increase reported revenue to cover an unanticipated decrease in the market shares, to enhance reported earnings to meet unrealistic budgets, to boost the market value of the entity prior to public offering or sale, to meet sales or earnings projections to bolster bonus payouts tied to performance, to appear to cover violations of debt covenant agreements, or to hide lack of compliance with legal requirements. Override practices include deliberate misrepresentations to bankers, lawyers, accountants and vendors, and intentionally issuing false documents such as purchase orders and sales invoices.

4) Collusion

Individuals acting collectively and alter financial data or other management information in a manner that cannot be identified by the control systems. Accounting

staff colluding to fraud the company finds ways to work around current internal controls, Buck, C.J., Breuker, J.B. (2008). When two or more employees work with the same financial information, they can manipulate the data for their own purposes. They might swap password allowing each other to access information without anyone else reviewing the work. They can create false transactions to steal money from the company and approve each other's transactions. Collusion can occur, for example, between an employee who performs an important control function and a customer, supplier, or another employee may occur, King, A.M. [14]. On a different level, several layers of sales or operating unit management might collude in circumventing controls so that reported results meet budgets or incentive targets.

The Relevance of Effective Internal Control Process

It is the responsibility of the board of directors and management to effectively implement accounting software applications to mitigate risk and to reduce errors associated with financial reporting.

Operating Effectiveness

The goals of an internal control system are to help a firm improve its operating systems. Thus the existence of a financial system allows the financial departments to formulate adequate and functional policies by which personnel must abide when performing financial tasks [15].

Financial Reporting

Internal control in financial accounting and reporting mechanism generally apply to all companies and organizations, Macintosh, N.B., Quatrone, P. [16]. It helps organization to report accurate and complete financial statement at the end of each month and quarter and eventually produces annual report. These statements include a balance sheet, income statement, cash flows statement and retained earnings statement.

Compliance

An effective internal control system helps senior executives and management to ensure that employees abide by government laws and regulations when performing duties. Non-compliance consequences may include adverse regulatory initiatives, such as fines and litigation. Every business organization is subject to some kind of risks depending on several factors such as the project being implemented and the sources through which is financed, and the way it utilizes its resources. Internal controls play critical roles in the detection and elimination of errors and irregularities before they have occurred.

Parties Responsible for and Affected by Internal Control

Internal controls affect every single individual within a business organization, while all of an organization's people are an integrals part of internal control,

certain parties merit special mention. These include management, board of directors (including the audit committee), internal auditors and external auditors.

Management

The primary responsibility for the development and maintenance of internal control rests with an organization's management. With increased significance placed on the control environment, the focus of internal control has changed from policies and procedures to an overriding philosophy and operating style within the organization. Emphases on these intangible aspects highlight the importance of top management involvement in the internal control system. If internal control is not a priority for management, then it will not be one for people in the organization either.

As an indication of management's responsibility, top management at a publicly owned organization will include the organization's annual financial report to the shareholders a statement indicating that management has established a system of internal control that management believe is effective. The statement may also provide specific details about the organization internal control system.

Internal control must be evaluated in order to provide management with some assurance regarding its effectiveness. Internal control evaluation involves everything management does to control the organization in the effort to achieve its objectives. Internal control would be judged as effective if its components are present and function effectively for operations, financial reporting and compliance.

Board of Directors

The board of directors and its audit committee has responsibility for making the internal control system within the organization is adequate. This responsibility includes determining the extent to which internal controls are evaluated, Van der Stede [17].

Two parties involved in the evaluation of internal controls are the organization's internal auditors and their external auditors.

Internal Auditors

Internal auditors often are involved in policing the effectiveness of internal controls. Hermanson & Co. They also have the responsibilities which typically include ensuring the adequacy of the system of internal control, the reliability of data, and the efficient use of the organization's resources.

Internal auditors identify control problems and develop solutions for improving and strengthening internal controls. Internal auditors are concerned with the entire range of an organization's internal controls, including operational, financial and compliance controls.

Internal control will also be evaluated by the external auditors.

External Auditors

External auditors assess the effectiveness of internal control within an organization to plan the financial statement audit. In contrast to internal auditors, external auditors focus primarily on controls that affect financial reporting, Shim, J.K. [18].

External auditors have a responsibility to report internal control weakness (as well as reportable conditions about internal control) to the audit committee of the board of directors.

As a conclusion. It is the responsibility of management of the assembly to decide on the extent of the internal control mechanism, which is deemed appropriate and such controls should be designed in part to prevent, control and minimize errors, irregularities that might arise rather than preventing or eliminating total fraud and irregularities. The effectiveness of internal control system rests in the duties and responsibilities of the management of the organization which arise out of the contractual duty of care once they act as stewards for and on behalf of the government.

The next part includes the methodology, analysis, data, conclusions and recommendations.

REFERENCES

- [1] Millichamp A.H *Internal Control Systems Auditing, Ed.* London: Ashford color press. 2002
- [2] Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (COSO) Report, USA, Allen and Bacon, Inc. 2004
- [3] Arens, A.A, Elder, J.R and Basely, S.M''*Auditing and Assurance Services an integrated approach 11th edition.* New Jersey: Prentice Hall. 2006
- [4] Whittington & Pany K. *Principles of Auditing, (4 Edition).* US McGraw Hill companies 2004
- [5] DiNapoli TP. (1999), *Standards of Internal Control in New York State Government.* URL: www.d/NewsYorkstatecomptroller.htm. Accessed: 18.06.2019.
- [6] Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (COSO) *Internal Control-Integrated Framework.* Coopers & Lybrand, September, Vol. 1–4. 1992.
- [7] Lousteau the role of controls for auditors' independence, USA, *CPA Journal.*2006
- [8] Gupta, P. *Internal Auditing Practices in India.* VDM Verlag Dr. Muller Aktiengesellschaft & Co. KG. 2010. 240p
- [9] Rittenberg et al *Internal Control Guidance Not Just a Small Matter Journal of Accountancy March p.5* 2007 URL: <http://www.cpa2biz.com>. Accessed: 20.06.2019
- [10] Drury, C. *Management and cost accounting 8th revised edition.* Cengage Learning EMEA. 2012. 800 p.
- [11] IT Governance institute. (). *Cobit 4.1 Control objectives. Management guidelines. Maturity models.* Prieiga per internetą: 2007. URL: <http://www.isaca.org/>. Accessed 20.06.2019
- [12] Barnabas, C. *Internal Control.* Cede Publishing. 2011. 144 p.
- [13] Yeh, R.T.; Yeh, S.H. *Verslo menas: sekant milžinų pėdomis.* Vilnius: Alma littera. 2007.
- [14] King, A.M. *Internal Control of Fixed Assets: a Controller and Auditor's Guide.* John Wiley and Sons Ltd. 2011
- [15] Collier M.P and Samuel K. *Management Accounting Risk and Control Strategy, Ed. Ghana:* National Science and Technology Press. 2006

- [16] Macintosh, N.B., Quatrone, P. *Management Accounting and Control Systems: an Organizational and Sociological Approach*. John Wiley and Sons Ltd. 2010. 378 p.
- [17] Merchant, K. A., Van der Stede, W. A. *Management Control Systems: Performance Measurement, Evaluation and Incentives*. 3rd revised edition. Prentice Hall. 2011. 832 p.
- [18] Shim, J.K. *Internal Control and Fraud Detection*. Global Professional Publishing Ltd. 2011

Information about the author:

Owusu-Ansah Emmanuel – master student of Faculty of Economics, Kuban State University. Stravropolskaya Street 149, Krasnodar, Russian Federation, 350040 (ORCID ID: 0000-0001-7854-1278) (e-mail: oansah163@gmail.com)

Научная статья

**Исследование эффективности систем
внутреннего контроля в государственном секторе Ганы:
взгляд на окружные собрания.
Часть 1**

Э. Овусу-Анса

Кубанский государственный университет
Стравропольская улица, 149, Россия, Краснодар, 350040

Оценка эффективности системы внутреннего контроля в государственном секторе является одним из самых надежных способов определения того, работают ли государственные учреждения эффективно для достижения корпоративных целей. Целью исследования является оценка эффективности систем внутреннего контроля в столичных и муниципальных собраниях. В исследовании использовался удобный и целенаправленный метод отбора для выборки данных. В Муниципальном собрании г. Адента отмечается наличие системы внутреннего контроля, позволяющей эффективно достигать целей Ассамблеи. В статье присутствуют авторские рекомендации правительству по привлечению большего числа сотрудников, являющихся членами профессиональных органов, таких как Институт дипломированных бухгалтеров Ганы, Ассоциация дипломированных приносящих бухгалтеров и Чартерный институт управленческого учета, в соответствующие подразделения и по использованию их знаний и опыта в сокращении проблемы внутреннего контроля, о которых в том числе пойдет речь в данной работе.

Ключевые слова: системы внутреннего контроля; эффективность; государственный сектор; муниципальное собрание Адента (ADMA); Гана

Сведения об авторе:

Овусу-Ансах Эммануэль – магистр экономического факультета Кубанского государственного университета, Стравропольская улица 149, Краснодар, Россия, 350040 (ORCID ID: 0000-0001-7854-1278) (e-mail: oansah163@gmail.com)

DOI: 10.22363/2312-8313-2019-6-3-213-222

Research article

The Role of African Court on Human and Peoples' Rights Protection: The Case of Libyan Crises

G.K. Antigejn

Department of Political Science and International Studies at Bahir Dar University
79, Bahir Dar, Amhara, Ethiopia

The emergence of regional human rights systems depicts one of the greatest achievements in the internationalization of human rights. The foundation of the charter paved the way for the birth of the court thereafter. The African Court is established by virtue of the 1998 protocol to the Charter and the court is built upon an arsenal of protective and remedial techniques. The establishment of the court has reset the stage and created a new platform for the protection of human rights in Africa. The cardinal objective of the paper is to investigate the role of African Court on human and Peoples' rights protection in Libya Crises taking the case of Saif Al Islam Gaddafi. The paper has utilized qualitative methodology. The government of Libya responded with brutal force against civilian protesters in contravention of international human rights and humanitarian law. The security force of the government of Libya killed many protesters as well. This situation intensified human rights violations and enforced many of the peoples to displace. The court issued an important ruling in March 2011, ordering provisional measures against Libya in the armed conflict in its territory. Libya government denied the claims of human rights violations in its territory and showed its willingness to subject itself to criminal investigations by the Court if necessary. The issue of the fund, independence, commitment and competence of judges to interpret mandate and jurisdiction, the willingness of the states to support and to abide by court decisions, and powers of the concerned body to enforce court decisions hampered the court from being effective. Generally, African States act in good faith with respect to the decisions of the African Human Rights Court, the court becomes more import.

Keywords: Human rights, African court, the protocol, Libyan crises, human rights violations

Introduction

The emergence of regional human rights systems depicts one of the greatest achievements in the internationalization of human rights [1]. The journey towards

© Antigejn G.K., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

an effective human rights system in Africa has been long and arduous [2; 3]. The African Charter on Human and Peoples' Rights was adopted in 1981 and entered into force on 21 October 1986 [4; 2]. The adoption of the African Charter on Human and Peoples' Rights marked a watershed in Africa's history [2]. It was believed that provisional measures by regional human rights courts assisted to provide remedies for individual applicants in particular and protect large-scale or gross violations rights of peoples in general [1].

Following the entry into force of the Charter, significant progress had registered in the human rights landscape of Africa [5]. Since the establishment of the African Charter on Human and Peoples' Rights, norms and institutions for the protection and promotion of human rights grown-up steadily. Among these developments, the establishment of an African Court on Human and Peoples' Rights stands out in particular [5]. The African Court on Human and Peoples' Rights (hereinafter- the court) was established by 1998 protocol to the Africa Charter on Human and Peoples Rights (hereinafter-the protocol) and entered in to force since 2004 [6; 7; 4; 8]. Since then, the court is in operation and performed different tasks on the issues of human rights.

The purpose of this piece of paper is thus to examine the role of the court in the promotion and protection of human rights with particular reference to the 2011 Libyan Crises and the case of Saif Al Islam. The paper provides something about African Court on Human and Peoples Rights, the role of this court on Libya protest and Saif Al Islam's case and assessments of the overall functions of the court respectively. The Libyan crises and Saif Al Islam's cases is intentionally chosen to demonstrate how the institution is loose and remains ineffective on the issues of African human rights politics.

African court on human and peoples rights

The African Court on Human and Peoples Rights was established by the 1998 protocol to the Africa Charter on Human and Peoples Rights [8; 9; 3]. The Court was established to complement and reinforce the protective mandate of the Africa Commission on Human and Peoples Rights by issuing binding decisions and ordering specific remedies [6; 3; 10. Art. 2]. The Court became operational in 2006 after its first judges were sworn in and its permanent seat is in Arusha, Tanzania [6; 7; 4]. The Court was ready to receive cases after it finalized its rules of procedure with the African Commission [7].

The Court was composed of eleven judges elected based on "individual capacity from among jurists of high moral character and of recognized practical, judicial or academic competence and experience in the field of Human and Peoples' Rights" [8; 10. Art. 11]. Pursuant to the protocol, judges must be nationals of members of the OAU (now AU). The protocol also provided immunity and full independence to the judges. The jurisdiction of the Court extends from the determination of disputes related to the interpretation and application of the Charter, the Protocol and other instruments ratified by state parties, to provide an advisory

opinion to the OAU or any African organization recognized by the OAU on legal matters [6; 4; 10 Art. 15]. Like the other regional human rights courts, the African Court bestowed with both contentious and advisory jurisdiction.

Under Article 5(1) of the Protocol, only the Commission, States Parties and African Intergovernmental Organizations have automatic access to the Court [6; 5; 8; 10. Art. 5]. Individuals and NGOs are only able to bring cases in their own right if the state against which they are complaining has signed a special declaration accepting the competence of the Court to hear cases [5; 8; 9; 10. Art. 5; 11]. The court does not see cases unless that state ratified the protocol. Libya, in this regard, is the one among the twenty-four States who have ratified the Protocol.

African Human Rights Court Response to Libyan Crises of 2011

By the year 2011, Libya confronted with an uprising. The uprising began on 15 February in Benghazi and quickly spread to the capital city, Tripoli [12]. The revolt quickly challenged the military forces and rapidly developed into an insurgency and then into a civil war. The government of Libya responded with brutal force against civilian protesters in contravention of international human rights and humanitarian law [1; 12]. The security force of the government of Libya killed many protesters as well [12]. This situation intensified human rights violations and enforced many of the peoples to displace.

On February 24, 2011, "the Egyptian Initiative for Personal Rights, Human Rights Watch and INTERIGHTS" – submitted a joint request for provisional measures to the African Human Rights Commission against Libya [7; 1]. On February 25, 2011, the African Commission made a statement on the human rights situation, urging the government of Libya to "immediately end the violence" [7]. Nevertheless, the Libyan government continued violent repression of civilians. Subsequently, on March 1, 2011, the Commission condemned the actions of the Libyan Government [7]. Rules of Procedure of the Commission allowed that commission may refer cases of noncompliance to the African Court for enforcement via legally binding measures where that state ratified the African Court Protocol [13. Rule 118].

In this regard, Libya has ratified the protocol.

After considering the gravity of the situation, the commission brought the Libyan case before the court on March 3, 2011 [14; 15. App. 004/2011]. Article 27(2) of the Protocol allows the court to issue provisional measures in "cases of extreme gravity and urgency and when necessary to avoid irreparable harm to persons" [14; 10. Art. 27(2)]. The Court notified to the Libya government, the AU organs, state parties, and other complainants noting that the matter was of a grave and urgent. The Court issued an important ruling on March 25, 2011 ordering provisional measures against Libya [1; 15. App. 004/2011]. The Court ordered Libya to refrain from any action that would result in loss of life or violation of physical in-

tegrity of persons and to report on the steps it had taken to implement the Order “within a period of fifteen days from the date of receipt of the Order” [14].

On April 9, 2011, Libya denied the claims of human rights violations in its territory, and “expressed its willingness to subject itself to criminal investigations by the Court, if deemed necessary.” [14. Note 10] Libya’s response, therefore, raises questions on how the African Court should follow up such responses from states. There are no consequential provisions in relation to non-compliance by states [6]. It appears that the execution of the court's judgments really depends on the undertaking and willingness of states to cooperate. In other words, it is up to the Executive Council and/or the Assembly of the Union to adopt measures in response non-compliance.

The Protocol and the Court’s procedures mandate the Executive Council to monitor the execution of decisions of the court on behalf of the Assembly [8; 10. Art. 27]. The Executive Council or the Assembly of AU did nothing visible on the enforcement of the order against Libya. Violations of rights in Libya broadened in its kind and coverage, and NATO deployed its force for humanitarian purpose and the ongoing turmoil ended.

1. African Human Rights Court Response to Saif Al Islam's Case

Saif Al Islam is the second son of late Libyan leader Muammar Gaddafi. He was the only member of the Gaddafi's family left in Libya after Gaddafi and his brother Mutassim were killed on October 2011. On November 2011, Saif Al-Islam was captured and taken to Zintan and kept in detention by the Zintan-militia. Then after, it was announced that his trial will take place in Zintan, Libya [16].

The African charter allowed both individual and state communications to the African Human and Peoples' Right commission [2; 17]. With regard to this, the commission received Saif Al Islam's case in April 2012 from Ms. Mishan Hosseinioun. The case was that the 'National Transitional Council' (Government in power in Libya) detained Saif Al Islam in isolation, prohibited from contacting his family, friends, or lawyer, he has not been brought before the court and even the place where he was detained was not known [18]. After examining the case of Saif Al Islam, the commission brought it to the courts in January 31, 2013 [18]. Article 6 and 7 of the African Charter on Human and Peoples’ Rights prohibits arbitrary arrest or detention, recognized presumption of innocent until proven guilty, the right to be trial within a reasonable time by an impartial court, the right to defense and have counsel of his choice [17. Note 15]. Saif Al Islam had lost all these privileges.

Article 27(2) of the 1998 protocol allowed the court to adopt provisional measures "in cases of extreme gravity and urgency" [10. Art. 27 (2)]. After recognizing the admissibility, gravity, and urgency of the case, the Court ordered the Government of Libya; to preserve the integrity of the person or detainee, refrain from taking all measures that would harm his life, allow him access to a Lawyer, allow family members and friends to visit him, and guarantee his rights to have a free and fair trial.

Thought Saif Al-Islam's case was grave and urgent requiring an immediate response, the commission delayed to refer the case to court for issuing provisional measures. The commission received the case too early from the individual complainant and exhausted around nine months to bring it to the court for provisional order. This shows how much the commission was less responsive and less committed to discharging its mandate and less cooperative with the court in dealing with human rights protections. As stated earlier, these kinds of dalliance can be overcome when the individual and NGOs complaints get direct access to the court.

Unfortunately, as the BBC news released on 17 June, in January Saif Al-Islam appeared in Suntan's court on the accusations of trading information, threatening Libya's national security and announced that the Saif al-Islam will be tried in August 2013 for charges of forming criminal gangs, inciting rape and illegal detentions [19]. On August 2013 Saif Ali Islam appeared before Tripoli court via video link from Zintan on charges of Corruption and war crimes and his trial was adjourned to May 25.

On 14 November 2013, the UN Working Group on Arbitrary Detention found that Saif Al-Islam detention in Zintan was arbitrary, and requested that the Libyan government takes steps to discontinue both the domestic proceedings against Saif Al Islam and his detention under those proceedings. The African Court of Human and Peoples' Rights has also called on Libya to ensure that he has access to a lawyer of his choice and to refrain from judicial proceedings that could cause irreparable harm to him.

Current status Generally, Saif Al Islam's case is not decided rather it is adjourned to May 25 and still there is claim by ICC to take his case into Hague by believing that Saif Al Islam could not get justice in Libya and they are trying to persuade Libya to hand him over [20]. On the other hand, Libya persist that ICC does not have jurisdiction to see cases when a State is able and willing to investigate and prosecute the same crimes and the case, does not fulfill admissibility criteria [20].

2. Why the African Human Rights Court becomes Ineffective?

The establishment of a strong and independent court on a regional base for the adjudications of disputes and protections of grave human rights violation is crucial in the discourses of human rights. Africans are also being aware of such facts. Though the orders passed by the African court had no immediate consequences on the situations as discussed above, the commencement of the Court by itself is a signal of great moment.

Although the system of provisional measures under the African human rights system has had its modest effect, it has been yet far from promising. As Cole [6] and Mutua [8] discussed, from the outset African leaders resisted the establishments of African court fearing that it would threaten their sovereignty. They resisted the foundation of the court placing a high emphasis on traditional conflict resolutions mechanisms and believing that third-party adjudication will create confrontations [2]. They placed a high premium on traditional African dis-

pute settlement mechanism rather than on strict legality. Because of this and others, most of the countries abstain from ratifying the protocol and the court as the institution becomes loose.

The protocol in itself does not provide an adequate enforcement mechanism to which the decisions of the court be implemented. What makes the court significantly different from the Commission is that decisions of the court are binding on states [10]. The execution of the court's judgments requires states willingness to cooperate and undertake measures [6;10.Art.26]. As has been dealt above, the Executive Council expected to play a lot in this regard and the Constitutive Act of AU provides for sanctions in the event of non-compliance [21; 10. Art.23(2)]. But sanctions are not automatic and have to be adopted by the Assembly and hence effective enforcement of the decisions of the court entirely left in the hands of politicians [6]. Inadequate political commitment at the regional level and loose enforcement mechanisms hindered the court from being effective. As the case uncovers, enforcement mechanisms are by nature reactionary and often appeared after grave human rights violations have been committed.

Several African states are "patrimonial" implying that rule is personalized and the discretion and personality of the ruler is the source of authority [24; 6]. Reward and social relations are based on kinship and individual contractual relations rather than merit. Once authority becomes personalized, governments tend not to comply with court orders and the possibility of executing the court's decision will be a mere wish. In the absence of national commitment to liberalize and democratize politics inside, the building of genuine and effective regional systems for protecting human rights is unthinkable. Thus, domestic courts must be equipped to ensure legal, political and development infrastructures conducive for respect of human rights and should collaborate with the regional court. Integration of the Protocol into domestic law will also serve to reinforce the judgments of the court.

The protocol itself does not give a full mandate to the court rather the court was established to complement the protective mandate of the African Commission on Human and Peoples' Rights. Members to the protocol suspect that a powerful court might challenge the credibility of African political leaders in their respective countries. As a result, Heads of State were reluctant to grant the court a significant role in protecting human rights. The court had neither the authority nor the power to correct the situation. Presumably, the Court will not hear cases that do not meet the criteria. The possible overlaps and conflicts of jurisdiction between the Court and commission hindered the effectiveness of the court as well. The effective functioning of the Court threatens to be derailed by the bureaucracy [3].

As most argue, individual applicants and NGOs should be allowed to access the court. It was believed that NGOs and individuals are more sensitive to human rights violations and serve as a check on the overall conducts of governments. As the Libyan case divulged and in most of the cases violations of rights attributed to the state and states have no incentive to refer cases of human rights violations before regional tribunals. Thus, individuals and NGOs as the primary users of the

protective functions should be automatically entitled to lodge cases before the Court. They can play an important role in the enforcement of international human rights law and restricting Individuals and NGOs to access Court affects to the effectiveness of the Court too [5; 2; 3].

Judicial independence is necessary to give the Court the honor, prestige, integrity, and unrestrained liberty to do justice [2]. The Independence of judges usually thwarted by fund issues seriously. Besides monetary issues, the real commitments of judges affect the effectiveness of the Court too. Commitment here implies the dedication and creativeness of judges in interpreting their mandate and jurisdiction accordingly. Courts have the potential to take the lead on many innovative trends in regional and international human rights protection.

Generally, unless African States act in good faith with respect to the decisions of the African Human Rights Court, the court becomes no more significant. They should respect the rule of law and cooperate with the human rights supervisory organs. This is the only way that the authority of the Court can be manifest and the citizens of the continent can develop confidence in the regional protection of human rights.

Conclusion

The African Human Rights Charter remains the primary normative instrument for the promotion and protection of human rights in the continent. The foundation of the charter paved the way for the birth of the court thereafter. The African Court is established by virtue of the 1998 protocol to the Charter and the court is built upon an arsenal of protective and remedial techniques. The establishment of the court has reset the stage and created a new platform for the protection of human rights in Africa. The African Court promises to strengthen the African human rights system's protective functions. The court was mandated to pass provisional measures in case of grave violations of human rights.

In this regard, the court issued an important ruling in March 2011, ordering provisional measures against Libya in the armed conflict in its territory. Libya government denied the claims of human rights violations in its territory and showed its willingness to subject itself to criminal investigations by the Court if necessary. This reply challenged the court on how to follow up with such responses from states. The orders remained without much force due to lack of political will and effective follow-up procedures from the African Union. It must be noted that unless its judgments are enforceable without state cooperation, the court will end up.

The issue of the fund, independence, commitment and competence of judges to interpret mandate and jurisdiction, the willingness of the states to support and to abide by court decisions, and powers of the concerned body to enforce court decisions hampered the court from being effective.

All in all, unless African States act in good faith with respect to the decisions of the African Human Rights Court, the court becomes no more important.

They should respect the rule of law and cooperate with the human rights supervisory organs. This is the only way that the authority of the Court can be manifested and the citizens of the continent can develop confidence in the regional protection of human rights.

REFERENCES

- [1] Juma, Dan Provisional Measures under the African Human Rights System: the African Court's order against Libya. 2012. *Vol. 30, No. 2, pp. 345–373.*
- [2] Udombana, Nsongurua Toward the African Court on Human and Peoples' Rights: Better Late than Never. *Yale Human Rights and Development L.J.* 2000. Vol. 3:45. pp. 55–111.
- [3] Wachira George African Court on Human and Peoples' Rights: Ten years on and still no justice. Minority Rights Group International. 2008 URL: [http://www.refworld.org/p_dfid/48e4763c2.\(pdf\)](http://www.refworld.org/p_dfid/48e4763c2.(pdf)). Accessed: 05.06.2019.
- [4] Enonchong, Nelson The African Charter on Human and Peoples' Rights: Effective Remedies in Domestic Law? *Journal of African Law*, Vol. 46, No. 2, pp. 197–215.
- [5] Juma, Dan Access to the African Court on Human and Peoples' Rights: A Case of the Poacher turned Gamekeeper. *Essex Human Rights Review*, 2007. Vol. 4 No. 2.
- [6] Cole, Rowland The African Court on Human and Peoples' Rights: will political Stereotypes form an obstacle to the enforcement of its decisions? *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*. 2010. Vol. 43. No. 1, pp. 23–45.
- [7] Dolidze, Anna African Court on Human and Peoples' Rights – Response to the Situation in Libya. *American society of international law*. 2011. Volume 15, Issue. 20.
- [8] Mutua, Makau The African Human Rights Court: A Two-Legged Stool? *Human Rights Quarterly*. The Johns Hopkins University Press. 1999. Vol. 21, No. 2, pp. 342–363.
- [9] Scats, Sonya Africa's New Human Rights Court: Whistling in the Wind?" Briefing Paper, Chatham house 2009 URL: www.chathamhouse.org.uk. Accessed: 10.06.2019
- [10] Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Establishment of an African Court on Human and Peoples' Rights. 1998. OAU Doc. OAU/LEG/EXP/AFCHPR/PROT (III) URL: <http://www1.umn.edu/humanrights/Africa/courtprotocol2004.html> Accessed: 05.06.2019
- [11] African Court. History URL: <http://african-court.org/en/index.php/about-the-court/brief-history> Accessed: 05.06.2019
- [12] Lacher, Wolfram *The Libyan Revolution and the Rise of Local Power Centers. Mediterranean Politics*. Berlin: Maghreb, German Institute for International and Security Affairs (SWP). 2012.
- [13] African Commission on Human and Peoples' Rights. Rules of the Procedure of the African Commission on Human and Peoples' Right. 2010. URL: <http://www.achpr.org/files/instruments/rules-of-procedure-rules-of-procedure-2010en.pdf>. Accessed: 05.06.2019.
- [14] International Federation for human rights. URL: <http://www.fidh.org/The-African-Court-on-Human-and-peoples-rights>. Accessed: 06.06.2019.
- [15] African Commission on Human and Peoples' Rights vs. Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya Application No.004/2011. URL: http://www.africancourt.org/en/Images/documents/Court/Cases/case_sum

- maries /Application_No_004- Libya summary_august_2011_updated.pdf Accessed: 06.06.2019.
- [16] Treat Gaddafi's son with dignity: African court. URL: <http://www.24tanzania.com/treat-gaddafis-son-with-dignity-african-court/>. Accessed: 06.06.2019.
- [17] African (Banjul) Charter on Human and Peoples' Rights. OAU Doc. CAB/LEG/67/3 rev. 5, 21I.L.M.58. 1982. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/instreet/z1afchar.htm>. Accessed: 08.06.2019.
- [18] African Court on Human and Peoples' Rights. African commission on Human and Peoples Rights v. Libya, order of provisional measures, application no.0012/2013. URL: www.africacourt.org/images/documents/OrdersFiles/ORDER_Application_002_2013_Africa_commission_v_libya.pdf Accessed: 05.06.2019.
- [19] Saif al-Islam Gaddafi to be tried in Libya in August. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-22945159> Accessed: 06.06.2019
- [20] Libya/ICC: Saif Al Islam custody decision: ICC should do better. URL: <http://www.npwj.org/ICC/Libya/ICC-%E2%80%9CSaif-Al-Islam-custody-decision-ICC-should-do-better%E2%80%9D.html> Accessed: 05.06.2019.
- [21] Constitutive Act of the African Union. 2002. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf Accessed: 06.06.2019.
- [22] Clapham, Christopher *Africa and the international System: the politics of state survival*. Cambridge University Press.1996.

Information about the author:

Antigegn Getahun Kumie – Lecturer and Researcher, Department of Political Science and International Studies at Bahir Dar University (Ethiopia) (ORCID-ID: 0000-0002-8871-0757) (e-mail: getkumie@yahoo.com)

Научная статья

Роль африканского суда по защите прав человека и народов: случай ливийского кризиса

Г.К. Антигегн

Университет Бахр-Дар
79, Bahir Dar, Amhara, Ethiopia

Появление региональных систем защиты прав человека является одним из величайших достижений в области интернационализации прав человека. Появление Хартии о правах человека подготовило почву для последующего формирования соответствующего суда. Африканский суд учрежден на основании протокола 1998 года к Хартии, и суд построен на арсенале защитных и процессуальных методов. Создание суда стало новой вехой и основой для создания платформы для защиты прав человека в Африке. Основная цель данной работы – изучить роль Африканского суда в защите прав человека и народов в периоды Ливийских кризисов, включая рассмотрение политики Саифа Аль-Ислама Каддафи. В статье использована качественная методология. Правительство Ливии ответило жестокой силой против гражданских демонстрантов в нарушение меж-

дународных норм в области прав человека и гуманитарного права. Силы безопасности правительства Ливии также убили многих протестующих. Эта ситуация усилила нарушения прав человека и вынудила многих людей переселиться. В марте 2011 года суд вынес важное постановление, предписывающее временные меры против Ливии в ходе вооруженного конфликта на ее территории. Правительство Ливии отрицало заявления о нарушениях прав человека на своей территории и продемонстрировало свою готовность подвергнуть себя уголовному преследованию со стороны Суда в случае необходимости. Вопросы о финансировании, независимости, обязательстве и компетенции судей для толкования мандата и юрисдикции, готовности государств выполнять и поддерживать судебные решения и действия соответствующего органа по обеспечению исполнения судебных решений препятствовали эффективности суда. В целом африканские государства действуют добросовестно в отношении решений Африканского суда по правам человека, роль данного суда становится более важной.

Ключевые слова: права человека, африканский суд, протокол, ливийские кризисы, нарушения прав человека

Сведения об авторе:

Антигегн Гетахум Кумие – лектор и исследователь кафедры политологии и международных исследований Университета Бахир-Дар (Эфиопия) (ORCID-ID: 0000-0002-8871-0757) (e-mail: getkumie@yahoo.com)

DOI: 10.22363/2312-8313-2019-6-3-223-233

Научная статья

Перспективы социально-экономического развития городской системы

А.А. Толмачев, Е.Е. Секирина

Российский университет дружбы народов (РУДН)
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье представлен анализ социально-экономического развития города как системы. Выявлены основные проблемы, с которыми сталкиваются российские города в процессе своего развития, и пути их решения. Был представлен в качестве примера опыт социально-экономического развития зарубежных городов, выявлены наиболее эффективные методы. На основе полученных выводов предложен вариант реализации зарубежного опыта развития в российской городской системе. Актуальность проведенного анализа обусловлена необходимостью социально-экономического развития городов в России.

Ключевые слова: город, городская система, социально-экономическое развитие, «эффект Бильбао»

Введение

Город имеет сложную и многофункциональную систему, элементы которой призваны обеспечивать стабильное социально-экономическое его развитие. Основными элементами являются местная власть, гражданское общество, некоммерческие и коммерческие организации. В то же время город – это «составной элемент» государства в целом. От развития городской системы напрямую зависит социально-экономическое благосостояние государства. Каждый город обладает собственными ресурсами, позволяющими выбрать вектор развития, наиболее подходящий для конкретных условий. Однако на сегодняшний день большинство российских городов не могут выработать эффективную стратегию развития города. Цель данной работы – рассмотреть социально-экономическое развитие российских городов и предложить способы повышения эффективности существующих концепций.

© Толмачев А.А., Секирина Е.Е., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Анализ социально-экономического развития российских городов

В Большой советской энциклопедии город определяется как «...крупный населенный пункт, жители которого заняты главным образом в промышленности и торговле, а также в сферах обслуживания, управления, науки, культуры» [1. С. 112]. По данным Росстата на 2019 год, доля городского населения в Российской Федерации составляет 75%, а сельского – 25% [2].

В 1991 году в России изменился политический режим, соответственно во многом изменился вектор управления городами. В эти годы начинаются серьезные социально-экономические проблемы в российских городах, так как не все могли выдержать условия новой экономической системы и значительно снизились меры государственной поддержки. В новых условиях большое место в управлении города стала занимать местная администрация и от действий местных властей зависит развитие социально-экономического сектора. В особо тяжелом положении оказывались небольшие города, которые были непривлекательны для инвесторов, и им сложно было запустить эффективно работающую местную экономику. Более чем у 30 миллионов населения денежные доходы были ниже прожиточного минимума с 1992 года по 2002-й [3].

Из-за отсутствия достаточно эффективного городского управления и инвестиций возникла проблема, остро стоящая перед властями всех трех уровней управления Российской Федерации – федерального, областного и местного. Одной из первых мер, предпринятых государством, стало Постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. N 717 «О федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)» [4]. Согласно данному постановлению из федерального бюджета направлялись средства на развитие регионов. Единственным требованием федеральных властей об исполнении данной целевой программы стала строгая отчетность о потраченных средствах, исключительно на социально-экономические нужды. Эффективность реализации данной программы, например, можно проследить в Ивановской области. В 2004 году город Иваново утвердил внушительный перечень объектов социального строительства и объемы финансирования, указанные в приложении 1 Распоряжения Администрации Ивановской области от 18 ноября 2004 года N 305-ра г. Иваново «О мероприятиях по реализации Федеральной целевой программы «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)» [5]. В городе Заволжск была построена современная поликлиника. А 3 апреля 2006 года в деревне Затеиха было построено новое здание для средней общеобразовательной школы с дошкольной группой на 20 мест.

Показательна история успеха развития маленького города Плеса в Ивановской области. Население Плеса менее двух тысяч человек, однако это не помешало местной власти превратить данное место в одно из культурных достояний России. Представители местной городской власти Плеса смогли

использовать имеющиеся ресурсы, в том числе природные, с максимальной эффективностью. Путем сбалансированного распределения городских бюджетных средств, маркетинга и улучшения внешнего облика города было достигнуто популяризирование самобытности города Плес. Пример частных инвестиций в город Плес – это санаторий «Актер – Плес». Городская инфраструктура в Плесе достаточно разнообразная: санаторий, колледж бизнеса и туризма, психоневрологический интернат и несколько музеев, включая музей-заповедник. С точки зрения городского жителя, властями города Плес все выполнено с высокой долей профессионализма, вплоть до официального сайта города, который является удобнее многих других сайтов крупных городов. На сегодняшний день до 400 тысяч человек ежегодно приезжают в Плес познакомиться с историей города, приобщиться к удивительной красоте этого места [6].

Одна из самых глобальных проблем для большинства российских малых городов – это отток населения в города-гиганты, такие как Москва и Санкт-Петербург, а также в более крупные города в области или регионе. Это связано со многими факторами: большие города могут предоставить более привлекательные социальные условия и гарантии, такие как: высокооплачиваемые рабочие места, престижные ВУЗы, комфортные условия для проживания. Учитывая социальную адаптацию, процессу переезда в крупные города подвержена молодежь. В одном из докладов на 20 Апрельской Международной научной конференции в Высшей школе экономики были предоставлены данные, согласно которым в 2018 году около 57% старшеклассников планирует переехать из своего города на срок более чем период учебы [7].

Такая тенденция во многом спровоцирована недостаточно развитой социально-экономической инфраструктурой малых городов и городов, расположенных в «тени» крупных городских агломераций, что в свою очередь является причиной ухудшения предпринимательской деятельности, оттока работоспособного населения и, как следствие, снижения притока инвестиций и роста местной экономики. Можно предположить, что выход из данной ситуации находится в руках местной городской власти, которая должна более экспериментально подойти к подготовке индивидуального плана развития территории, с учетом специфических особенностей и ресурсов городской системы.

Международная практика – «Эффект Бильбао»

«Эффект Бильбао» как термин появился относительно не так давно. Прежде всего, он связан с экономическим развитием города, которое было достигнуто фактически за счет строительства одного здания – значимого архитектурного сооружения. До того как появился «эффект», Бильбао был небольшим рабочим испанским городком с высоким уровнем безработицы и регулярными стачками баскских сепаратистов. За несколько лет он был превращен в место притяжения туристов со всего мира, чему послужила по-

стройка филиала музея Гуггенхайма. На данное строительство местными властями было выделено более 200 миллионов долларов из муниципального бюджета. Безусловно, данное строительство, даже при условии максимальных расчетов, являлось в некоторой степени рискованным мероприятием. Однако местные власти были уверены, что данное архитектурное сооружение и непосредственно музей Гуггенхайма смогут запустить по-новому экономику города, и это повлияет на всю его инфраструктуру. «В 2010 году, несмотря на мировой экономический кризис, количество туристов в Бильбао продолжало расти и достигло 954 тысяч, из них не менее 60 % составляли иностранцы. Регион получил от туризма дополнительный доход в 213 миллионов евро, местные власти – 26 миллионов евро налоговых поступлений, а около 3 тысяч местных жителей – рабочие места» [8. С. 112].

Среднегодовой доход одного человека и домашнего хозяйства в испанских городах за 2016 год, по данным Национального института статистики [9].

Город	Население	Среднегодовой чистый доход на душу населения (евро)	Среднегодовой чистый доход домашних хозяйств (евро)
Бильбао	345 122	14 870	34 999
Мадрид	3 165 541	15 716	39 613
Севилья	690 566	11 056	29 394
Сарагоса	661 108	12 536	31 789
Барселона	1 608 746	15 388	37 371
Малага	569 009	9 745	26 673

Приведенная выше статистика показывает социально-экономический успех, достигнутый городом Бильбао. По таблице видно, что небольшой город уступает в доходах населения только двум экономическим гигантам: Барселоне и Мадриду. В других случаях, как правило, остальные города имеют доходы у населения ниже показателей Бильбао. У населения возросли не только доходы, но и уровень жизни в целом. Город стал более комфортным для своего населения, в нем после строительства музея были открыты новая линия метро, аэропорт и развитая трамвайная сеть. Был преобразован центр города, и из промышленной зоны он превратился в культурный центр с совершенно иным обликом, более приятным для горожан и туристов.

Особенностью городской политики Бильбао стала полная открытость местных властей перед населением. Горожан часто привлекали к участию во многих вопросах, связанных с судьбой их города, например, проектирование новых зданий и одобрение законопроектов. Все данные о муниципальных расходах находятся в открытом доступе, их можно получить на сайте города –

«Bilbao OPEN DATA». В 2012 году Иньяки Аскуна удостоился награды лучшего мэра мира, по мнению британской некоммерческой организации «City Mayors», занимающейся исследованиями в сфере городского развития [10].

Таким образом, «Эффект Бильбао» можно охарактеризовать как повышение городской инвестиционной привлекательности за счет архитектурного строительства как одного из способов инновационного развития города.

Похожие примеры были и раньше самого «Эффекта Бильбао». Однако оценить степень увеличения социально-экономического развития благодаря исключительно данному эффекту не представляется возможным. Например, говоря о городе Дубаи, можно однозначно сказать, что социально-экономический бум начался в 1966 году в связи с открытием большого запаса нефти. В город стали приходить инвесторы, готовые вкладывать в развитие одного из самых бедных городов ОАЭ. Полученные деньги с продаж нефти местными властями были грамотно инвестированы в развитие городской системы. За несколько десятков лет он стал одним из самых развитых и богатых городов в мире. Дубаи стал привлекателен для туристов, для которых создается комфортная городская инфраструктура: транспорт, социальные объекты, а также уникальные архитектурные сооружения. Например, знаменитый отель Бурдж Аль-Араб или, как его еще называют, отель «Парус». На его постройку в 1999 году было потрачено 650 миллионов долларов, он считается одним из самых высоких отелей в мире и является символом Дубая [11]. В данном случае «Эффект Бильбао» не явился решающим фактором высокого роста социально-экономического развития города, однако смог удержать его на должном уровне.

Кроме положительных эффектов от архитектурной постройки существуют примеры в мировой практике, когда городское развитие не было спровоцировано строительством нового сооружения. Например, штаб-квартира центрального телевидения Китая CCTV в Пекине. По мнению американской газеты The Daily, строительство проекта обошлось в несколько миллиардов долларов государственных средств [12]. Здание получило название «большие штаны» и не оправдало надежды Китая в том, что здание станет олицетворением города и современной КНР. Некоторые европейские архитекторы отзывались о нем как об «очень непривлекательном» здании. Данный пример подтверждает необходимость применения комплекса мер, помимо строительства архитектурного объекта, создание уникального городского имиджа.

«Эффект Бильбао» в российских реалиях

В Российской Федерации «Эффект Бильбао» широко не применяется, но все же есть города, которые видят в этом перспективу для развития своих территорий. В Воронеже в 2019 году велись обсуждения о том, какие архитектурные сооружения могут стать олицетворением города. Архитекторами были предложены идеи: пойти по примеру Москвы и построить не обычное

метро, а сделать из каждой станции уникальный архитектурный объект, также была предложена реновация зданий. Одним из самых интересных предложений было сделать из заброшенного здания Атомной станции теплоснабжения центр современного искусства [13]. Подобное предложение не только позволит сэкономить денежные средства, но и вдохнуть новую жизнь в здание, которое уже не приносит пользы городу. Также это значительно улучшит внешний городской облик, что является крайне важным для привлечения туристов.

С точки зрения географического применения «Эффекта Бильбао» Московский регион – Московская область имеет ряд преимуществ:

- выгодное геоэкономическое расположение. Регион находится в европейской части страны, где высокая плотность населения, соседом является город Москва, в котором расположены основные финансовые ресурсы страны. На территории региона есть заповедники, рудники, водохранилища и др.

- развитая транспортная инфраструктура. На территории МО находится несколько крупных международных аэропортов, имеется развитая дорожная сеть, между всеми городами налажена транспортная связь. Все это может привлечь иностранных туристов, потому что у них не возникнет проблем с передвижением по территории другого государства. Такая транспортная инфраструктура позволит развивать как внутренний, так и внешний туризм.

- множество культурно-исторических памятников на своей территории и др. Города Московской области имеют долгую историю, и за это время сохранилось множество исторических памятников, например Бородинское поле, Саввино-Сторожеский монастырь, Новый Иерусалим и т.д.

Как основную идеологию для развития города можно использовать популярные в настоящее время принципы «экогорода». Сегодня остро стоит проблема ухудшения состояния экологии планеты, и правительства всех стран пытаются объединиться для совместной борьбы. Многие крупные корпорации заинтересованы в поддержании инициатив по улучшению экологии, так как это может положительно сказаться на их имидже и привлечь новых потребителей своего продукта.

В мировой практике есть определенные стандарты, которым должно соответствовать здание. Например, во Франции разработан стандарт высокого качества *Haute Qualite Environnementale* (HQE), согласно которому существуют следующие критерии: минимизация водозатрат, минимизация энергозатрат, гармоничное взаимодействие между зданиями и окружающей средой, визуальная привлекательность и т.д. [14]. Основными объектами сертификации являются жилые дома, офисные здания, торговые центры.

Создание экоархитектурных объектов может стать площадкой для воплощения идей молодых российских архитекторов, что в свою очередь повысит интерес граждан к созданию новой городской системы.

Реалистичным для реализации выглядит строительство бизнес-центра или же крупного торгового центра. Основной идеей для здания может стать компромисс между человеком и природой. Фасад здания может быть озеленен (рисунок 1), на крыше здания оборудованы солнечные батареи, которые будут полностью либо в значительной степени обеспечивать здание электроэнергией, также его можно оборудовать системой водоотведения дождевой воды, благодаря которой можно вторично использовать эту воду, и т.п.

Рис. 1. Пример эко-здания (город Сингапур)

В качестве примера реализации мер «Эффекта Бильбао» можно использовать городской округ Щелково. Данный город в настоящий момент не реализует в полной мере имеющиеся ресурсы историко-научного назначения, такие как историко-краеведческий музей, музей подготовки космонавтов, музей военно-воздушных сил РФ. Усадьба Гребнево, являющаяся наследством эпохи Русского Просвещения (здания на территории усадьбы датируются концом 18 – началом 19 веков), требует проведения работ по сохранению объекта культурного наследия.

Идеей для архитектурного сооружения может стать экологически чистый бизнес-центр. В данный центр помимо представительств бизнес-компаний можно переместить государственный орган управления, связанный с природными условиями и экологией. Как говорилось выше, «Эффект Бильбао» – это определенный комплекс мер по развитию города, началом которого является архитектурное строительство. Учитывая это, местные власти должны будут продвигать идею экологичности повсеместно: общественный транспорт, сбор и утилизация мусора, рекреационные зоны, система использования

воды. Эффект от предпринятых мер определенно будет иметь положительный результат: улучшение экологии города и инфраструктуры.

Очевидно, что кроме строительства необходимо активно использовать принципы маркетинга и PR-технологий. Экологическая тема может выражаться через искусство и творчество, проведение общественных мероприятий, создание учебных центров и т.д. Город может проводить масштабные эко-фестивали. Таким образом, город создает собственный уникальный имидж, привлекательный для мирового сообщества и инвестиций.

Выводы

В настоящее время большая часть российских городов не имеет должного социально-экономического развития. Имеющиеся ресурсы городской системы не используются эффективно, что является причиной отсутствия стабильного экономического эффекта. Учитывая данные выводы, становится вопрос о поиске перспективных мер по повышению инвестиционной привлекательности городов. Анализ «Эффекта Бильбао» позволил выявить определенный алгоритм действия городских властей по развитию территории. Помимо объективного анализа ресурсов территории, необходимо продумать уникальный имидж города – то, что впоследствии создаст положительный эффект на инвесторов. Говоря о социально-экономическом развитии города, нужно использовать целый комплекс мер, имеющий актуальность и достаточное количество ресурсов на момент реализации идей. В проанализированных примерах развития города это хорошо заметно. Тот же «Эффект Бильбао» недостижим, если не использовать в дополнение архитектурного замысла принципы маркетинга и PR-технологий или же открытость городских властей перед своими гражданами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Большая советская энциклопедия // Глав. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. Энциклопедия, 1969–1981 г. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006792287>. Дата обращения: 24.06.2019.
- [2] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Демография» URL: <https://www.gks.ru/folder/12781>. Дата обращения: 24.06.2019.
- [3] База официальной статистической информации. Раздел «Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31549>. Дата обращения: 25.06.2019.
- [4] Постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. N 717 «О федеральной целевой программе “Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002-2010 годы и до 2015 года)”» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/183843/>. Дата обращения: 25.06.2019.
- [5] Распоряжение от 18 ноября 2004 года N 305-ра г. Иваново о мероприятиях по реализации Федеральной целевой программы «Сокращение различий в социально-

- экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/882207093>. Дата обращения: 25.06.2019.
- [6] Официальный портал Плесского городского поселения. Колонка «Плѣс сегодня». URL: <http://gorodples.ru/pages/today>. Дата обращения: 28.06.2019.
- [7] Как устроена миграция из небольших городов. Автор текста: Соболевская О.В. Авторы исследования: Мкртчян Н., Флоринская Ю. 2018. URL: <https://iq.hse.ru/news/263124558.html>. Дата обращения: 29.06.2019.
- [8] *Холлис Л.* Города вам на пользу. Гений мегаполиса: пер. с англ. Коробочкин М. / под ред. Красниковой А. М: Strelka Press, 2015 г. 432 с. [Leo Hollis. Cities are good for you. Conville & Walsh Ltd. and Synopsis Literary Agency, 2013].
- [9] Indicadores Urban Audit para municipios mayores de 20.000 habitantes. URL: <https://www.ine.es/jaxiT3/Tabla.htm?t=30143&L=0>. Дата обращения: 29.06.2019.
- [10] Филимонов А. Мэр испанского города Бильбао признан лучшим градоначальником мира 2012 года. URL: <https://www.kp.ru/online/news/1337569/>. Дата обращения: 30.06.2019.
- [11] Топ-10 самых дорогих отелей мира. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/57163b329a79472acd35ee6>. Дата обращения: 26.06.2019.
- [12] Небоскребы Китая: «Большие штаны» (Central Chinese TeleVision – CCTV). URL: <https://masterok.livejournal.com/1560274.html>. Дата обращения: 26.06.2019.
- [13] *Полухина Е.* Эффект Бильбао для Воронежа. Какие городские сооружения могли бы стать иконическими. 2019. URL: <https://riavm.ru/news/effekt-bilbao-dlya-voronezha-kakie-gorodskie-sooruzheniya-mogli-by-stat-ikonicheskimi/>. Дата обращения: 26.06.2019.
- [14] Положения стандарта. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1872218>. Дата обращения: 27.06.2019.

Информация об авторах:

Секирина Елена Евгеньевна – кандидат социологический наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (РУДН) (ORCID ID: 0000-0001-8169-9041) (e-mail: sekirina_ee@rudn.university)

Толмачев Алексей Александрович – студент 4 курса кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (РУДН) – (ORCID ID: 0000-0001-9776-6536) (e-mail: tolmachev.A2016@yandex.ru)

Research article

Prospects for Socio-Economic Development of the Urban System

A.A. Tolmachev, E.E. Sekirina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article presents an analysis of the socio-economic development of the city as a system. The main problems faced by Russian cities in the course of their development and

ways to solve them have been revealed. The experience of socio-economic development of foreign cities was presented as an example, and the most effective methods were identified. On the basis of the findings, the option of implementing foreign development experience in the Russian city system has been proposed. The relevance of the analysis is due to the need for socio-economic development of cities in Russia.

Keywords: city, city system, socio-economic development, “Bilbao effect”

REFERENCES

- [1] Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija // Glav. red. A. M. Prohorov. 3-e izd. M.: Sov. Jenciklopedija, 1969-1981 g. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006792287>. Accessed: 24.06.2019.
- [2] Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. Razdel «Demografija» URL: <https://www.gks.ru/folder/12781>. Accessed: 24.06.2019.
- [3] Baza oficial'noj statisticheskoj informacii. Razdel «Chislennost' naselenija s denezhnymi dohodami nizhe velichiny prozhitochnogo minimuma». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31549/>. Accessed: 25.06.2019.
- [4] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11 oktjabrja 2001 g. N 717 "O federal'noj celevoj programme "Sokrashhenie razlichij v social'no-jekonomicheskom razvitii regionov Rossijskoj Federacii (2002-2010 gody i do 2015 goda)" (s izmenenijami i dopolnenijami). URL: <https://base.garant.ru/183843/>. Accessed: 25.06.2019.
- [5] Rasporjazhenie ot 18 nojabrja 2004 goda N 305-ra g. Ivanovo o meroprijatijah po realizacii Federal'noj celevoj programmy «Sokrashhenie razlichij v social'no-jekonomicheskom razvitii regionov Rossijskoj Federacii (2002-2010 gody i do 2015 goda)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/882207093>. Accessed: 25.06.2019.
- [6] Oficial'nyj portal Plesskogo gorodskogo poselenija. Kolonka «Pljos segodnja». URL: <http://gorodples.ru/pages/today/>. Accessed: 28.06.2019.
- [7] Kak ustroena migracija iz nebol'shih gorodov. Avtor teksta: Sobolevskaia O.V. Avtory issledovanija: Mkrтчjan N., Florinskaja Ju. 2018. URL: <https://iq.hse.ru/news/263124558.html>. Accessed: 29.12.2019.
- [8] Hollis L. Goroda vam na pol'zu. Genij megapolisa: per. s angl. Korobochkin M. / pod red. Krasnikovoj A. M: Strelka Press, 2015 g. 432 s. [Leo Hollis. Cities are good for you. Conville & Walsh Ltd. and Synopsis Literary Agency, 2013].
- [9] Indicadores Urban Audit para municipios mayores de 20.000 habitantes. URL: <https://www.ine.es/jaxiT3/Tabla.htm?t=30143&L=0>. Accessed: 29.06.2019.
- [10] Filimonov A. Mjer ispanskogo goroda Bil'bao priznan luchshim gradonachal'nikom mira 2012 goda. URL: <https://www.kp.ru/online/news/1337569/>. Accessed: 30.12.2019.
- [11] Top-10 samyh dorogih otelej mira. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/57163b329a79472acdb35ee6>. Accessed: 26.06.2019.
- [12] Neboskreby Kitaja: “Bol'shie shtany” (Central Chinese TeleVision – CCTV). URL: <https://masterok.livejournal.com/1560274.html>. Accessed: 26.06.2019.
- [13] Poluhina E. 2019. Jeffekt Bil'bao dlja Voronezha. Kakie gorodskie sooruzhenija mogli by stat'ikonicheskimi. URL: <https://riavrn.ru/news/effekt-bilbao-dlya-voronezha-kakie-gorodskie-sooruzheniya-mogli-by-stat-ikonicheskimi/>. Accessed: 26.06.2019.
- [14] Polozhenija standarta. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1872218>. Accessed: 27.06.2019.

Information about the authors:

Sekirina Elena Evgenevna – Ph.D. in Sociology, Senior Lecturer in the Department of State and Municipal Administration of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-8169-9041) (e-mail: sekirina_ee@rudn.university)

Tolmachev Alexey Alexandrovich – 4th year student of the Department of Public and Municipal Administration of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-9776-6536) (e-mail: tolmachev.A2016@yandex.ru)

DOI: 10.22363/2312-8313-2019-6-3-234-242

Научная статья

Старение населения: угроза демографической безопасности или потенциал развития серебряной экономики

А.С. Зуева, Т.С. Хроленко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991

Авторами рассмотрено такое демографическое явление, как старение населения. Определены последствия для экономики страны об увеличении доли лиц старшего возраста. Прежде всего, отмечено, что старение население является угрозой демографической безопасности России. С другой стороны, отмечен международный опыт формирования серебряной индустрии и экономики, ориентированной на определенную категорию граждан старшего возраста. Оценены перспективы развития рынка услуг для пенсионеров.

Ключевые слова: демографическая безопасность; доходы пенсионеров в России; измерение и динамика старения населения; серебряная индустрия; серебряная революция; серебряная экономика; угрозы демографической безопасности

Работа по привлечению внимания мирового сообщества к вопросам демографического старения ведется Отделом народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации объединенных наций с 1956 года; о полноте и масштабности проводимых исследований свидетельствуют регулярные доклады и статистические подборки. Декларируемое в настоящее время общее соотношение пожилых (старше 65 лет) людей к непожилым оценивается как 1 к 11 обещает трансформироваться к 2050 году: согласно прогнозам ООН, в течение следующих 30 лет соотношение пожилого населения вырастет до 1 пожилого человека на 6 непожилых. К концу столетия численность населения большинства (61%) стран мира будет состоять из более чем 1/5 части пожилого населения. Таким

© Зуева А.С., Хроленко Т.С., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

образом, главной тенденцией этого столетия является вступление мира в эпоху общества долголетия, следствием которой является качественный и количественный рост численности такой демографической группы, как пожилые люди [1].

С демографической точки зрения рост доли старого населения в государстве свидетельствует о демографических проблемах.

В этой связи среди показателей уровня отдельных аспектов демографической безопасности присутствует коэффициент старости (старения) населения.

Демографическая безопасность России. Последние годы данное понятие практически не встречается в исследованиях демографов, несмотря на происходящий процесс депопуляции, на активные меры власти по решению существующих демографических проблем: принятие приоритетного национального проекта и в последующем национального проекта «Демография».

В научной литературе нет единого подхода к содержанию понятия «демографическая безопасность». Наиболее полное определение дает выдающийся российский экономист и демограф Леонид Леонидович Рыбаковский, – это «функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотнесение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса» [2].

Сегодня в российском законодательстве нет понятия «демографическая безопасность». Среди стран ЕАС в национальном законодательстве только одной из стран есть данное определение. В Республике Беларусь действует закон, в соответствии с которым под демографической безопасностью понимается «состояние защищенности социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз, при котором обеспечивается развитие Республики Беларусь в соответствии с ее национальными демографическими интересами» [3].

Установление уровня демографической безопасности неразрывно связано с существующими угрозами. Все угрозы рассматриваемого вида национальной безопасности можно систематизировать по следующим основаниям: численности населения, структуры населения, миграционного движения населения, размещения населения, естественного движения населения и его воспроизводства.

Среди демографических угроз, объединяемых по признаку структуры населения, наиболее популярным считается «старение популяции». В разных источниках данная угроза может называться как «старение населения», «старость населения». Под данными синонимичными понятиями понимается увеличение доли лиц в возрасте от 60 (или 65) лет. Возрастная пирамида старого населения имеет суженное основание и расширенную вершину.

Существует несколько подходов к определению критических значений коэффициента старения населения. Рассмотрим основные из них.

Шкала демографического старения Ж. Божё-Гарнье – Э. Россета (табл. 1) предусматривает четыре этапа старения и восемь уровней старости населения: от демографической молодости до очень высокого уровня демографической старости. Каждому уровню соответствует предельная процентная доля лиц в возрасте 60 лет и старше. В соответствии с данной шкалой демографическая старость начинается при достижении 12% доли лиц от 60 лет.

Таблица 1

Шкала демографического старения Ж. Божё-Гарнье – Э. Россета

Этап	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Этапы старения и уровня старости населения
1	<8	Демографическая молодость
2	8–10	Первое преддверие старости
3	10–12	Собственно преддверие старости
4	12 и выше	Демографическая старость
	12–14	Начальный уровень демографической старости
	14–16	Средний уровень демографической старости
	16–18	Высокий уровень демографической старости
	18 и выше	Очень высокий уровень демографической старости

В Организации объединенных наций принята и используется собственная шкала демографического старения (Табл. 2), в соответствии с которой государство с 7% долей лиц в возрасте 65 лет и старше признается страной со старым населением.

Таблица 2

Этап	Доля лиц в возрасте 65 лет и старше, %	Этапы старения и уровня старости населения
1	<4	Молодое население
2	4–7	Население на пороге старости
3	>7	Старое население

По сведениям Всемирного банка, в 2017 году самый низкий процент населения старше 65 проживало в следующих странах: ОАЭ (1%), Анголе (2%), Таджикистане (4%), Индии (5%), а самый высокий процент – в Японии (21%), Германии (20%), Великобритании (16%) [4]. По прогнозам Международной организации здравоохранения, к 2025 году коэффициент старения населения составит от 10 до 30 % в Америке, Европе и большей части Азии.

Более чем 30% уровень этого коэффициента установится в Японии, Португалии, Финляндии, Италии, Греции, Испании [5].

Помимо перечисленных показателей существует система индикаторов старения населения в контексте устойчивого развития (Табл. 3). Данная система сформирована совокупностью индикаторов процесса старения, индикаторов причин старения, индикаторов влияния демографического старения на экономику и индикаторов положения пожилых и будущих пожилых людей [6].

Таблица 3

Индикаторы старения населения

Индикаторы процесса старения	Индикаторы причин старения	Индикаторы влияния на экономику	Индикаторы положения пожилых групп и будущих пожилых
Доля лиц пожилого населения в численности населения страны	Ожидаемая продолжительность жизни в старших возрастах	Коэффициент общей демографической нагрузки	Глобальный индекс ЭйджВотч (GAWI – Global AgeWatch Index)
Индекс старения	Коэффициент дожития до старшего возраста	Коэффициенты нагрузки молодыми людьми (детьми) и пожилыми	Индекс активного старения (AAI – Active Ageing Index) – для европейских стран
Индекс глубины старения	Число рождений	Потенциальный коэффициент поддержки	Тип домохозяйства, в котором проживают пожилые люди
Соотношение полов в пожилом населении	Суммарный коэффициент рождаемости	Коэффициент поддержки родителей	Индикаторы для городов, доброжелательных к пожилым
Темпы прироста всего населения, пожилых и очень пожилых групп населения	Показатели возрастного состава эмигрантов и иммигрантов	Перспективный коэффициент демографической нагрузки пожилыми	Показатели положения молодежи (уровень образования молодежи; молодежной занятости и безработицы; доступность жилья по сравнению с доходами; здоровье молодежи)
Медианный возраст населения		Коэффициент поддержки	Показатели положения населения в возрастах 40–59 (число лет в системе образования; здоровье; материальное положение)
Доля лиц старших трудоспособных возрастов в трудоспособном населении		Первый демографический дивиденд	
Перспективный возраст		Второй демографический дивиденд	
Доля пожилых с учетом перспективного возраста		Вклад пожилых в заботу о детях (в бюджеты времени домохозяйств)	

До недавнего времени старение населения рассматривалось только с негативной стороны, изучались его отрицательные экономические и демографические последствия. Старение населения, прежде всего, приводит к замедлению естественного воспроизводства популяции, к увеличению экономической нагрузки на трудоспособных граждан. Вопросы последствий демографического старения ставят мир перед набором политических, экономических и социальных дилемм, к числу которых относятся болезни старости и болезни молодости, пенсии и детские пособия, время на уход за пожилыми и время для развития молодых, конфликт и солидарность поколений.

На фоне сокращения рождаемости, увеличения средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении, роста демографической нагрузки некоторые развитые страны мира начали реализовывать специальную политику, направленную на поддержку стареющего населения. Например, в Республике Корея основными мерами социальной политики являются: налоговые льготы для опекунов в целях поощрения ухода и заботы за рассматриваемой возрастной группой; льготная социально-медицинская помощь в случае, если пенсионеры не способны самостоятельно оплатить лечение; обеспечение данной возрастной группы прожиточным минимумом; организация мест совместного времяпрепровождения для пенсионеров в целях продления их активной жизнедеятельности; создание программ занятости, развитие на рынке труда новой ниши труда для «активных пенсионеров»; привлечение большого числа гражданских некоммерческих структур в сферу социальной поддержки лиц старших возрастов; создание и развитие «серебряной индустрии».

Понятие «серебряная индустрия», или «серебряная экономика», впервые появилось в 70-е годы XX века в Японии. Оно не связано с металлом, а получило свое название из-за цвета седых волос граждан, на которых такая экономика направлена.

Ключевая предпосылка серебряной революции заключается в том, что старение населения помимо негативных последствий может стать новым ресурсом экономического роста страны за счет расширения рынка труда, увеличения потребления и роста производства.

По результатам исследований аналитических агентств Accenture и Оксфорд Экономикс, к 2020 году потенциал серебряной экономики в США составляет 2,2% ВВП и 5 млн рабочих мест, в Германии – 2,1% ВВП и 5 млн рабочих мест, в Великобритании – 2,5% ВВП и 1,3 млн рабочих мест [7].

В США получил свою известность крупнейший в мире интернет-сервис Care.com, с помощью которого можно подобрать сиделку для людей старших возрастов [8]. Кроме того, набирает популярность мобильное приложение JoinPara. Данный старт-ап был инициирован в штате Флорида исходя из того, что у пенсионеров есть большая потребность в общении с молодыми людьми. За почасовую оплату американские дедушки и бабушки

получают такую возможность. В результате данный проект повышает качество жизни людей старшего возраста и помогает заработать молодежи.

Безусловно, развитие серебряной экономики возможно только в случае высоких доходов пенсионеров. В этой связи становится неоднозначной перспектива развития серебряной индустрии в России на фоне активного роста доли пенсионеров в общей численности населения страны (Рис. 1), так как доходы российских граждан пенсионного возраста существенно ниже пенсий развитых стран.

Рис. 1. Численность пенсионеров в России [9]

По данным Росстата России, в 2018 году общая численность пенсионеров составила 46,1 млн человек, из них 36,3 млн – пенсионеров по старости, 2,6 – пенсионеров, получающих ведомственную пенсию в Минобороны, МВД, ФСБ, ФСИН, СКР, судьи и прокуроры [10].

С учетом того, что серебряная экономика характеризуется расширением рынка труда за счет предложений рабочей силы со стороны пенсионеров, государство должно проводить политику по стимулированию трудоустройства лиц старшего возраста. Однако в России с 2017 года действует закон, ограничивающий выплату государственной пенсии тем, кто официально трудоустроен. В результате количество работающих пенсионеров с 2006 до 2017 годов сократилось более чем на 30%, с 15,3 до 9,9 млн человек соответственно. По

состоянию на 2018 год из общего числа пенсионеров работает только 21%, в натуральном выражении данный показатель составил 9,7 млн человек.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день государственная политика России направлена на сдерживание развития серебряной экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] World Population Ageing 2019: Highlights URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WorldPopulationAgeing2019-Highlights.pdf>. Дата обращения: 14.06.2019.
- [2] Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты / РАН. Ин-т социал.-полит. исслед. – М., 2003.
- [3] Закон Республики Беларусь от 04.01.2002 № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь». URL: <http://levonevski.net/pravo/norm2013/num48/d48510.html>. Дата обращения: 14.06.2019.
- [4] Старение. Организация объединенных наций. URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/ageing/>. Дата обращения: 14.12.2019.
- [5] United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Ageing 2019: Highlights (ST/ESA/SER.A/430). URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WorldPopulationAgeing2019-Highlights.pdf>. Дата обращения: 14.06.2019.
- [6] Калабихина, И., Красовская, Н., Калмыкова, Н. Демографическое старение в Республике Беларусь: вызовы и новые возможности: Аналитический обзор / И. Калабихина, Н. Красовская, Н. Калмыкова; Проект «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь». Минск: Белсэнс, 2018. 47 с. : ил.
- [7] Silver Economy Study: How to stimulate the economy by hundreds of millions of Euros per year. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/silver-economy-study-how-stimulate-economy-hundreds-millions-euros-year>. Дата обращения: 14.06.2019.
- [8] Официальный сайт интернет-сервиса Care.com. URL: <https://www.care.com/>. Дата обращения: 14.06.2019.
- [9] Количество пенсионеров в России по итогам 2018 года. URL: <https://pensiolog.ru/articles/kolichestvo-pensionerov-v-rossii/>. Дата обращения: 14.06.2019.
- [10] Официальный сайт Росстата России. URL: <https://www.gks.ru/>. Дата обращения: 14.06.2019.

Информация об авторах:

Зуева Анна Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, д. 1, стр. 13, 4 учебный корпус, каб. 271а) (ORCID ID: 0000-0003-4703-6679) (e-mail: dgastin@mail.ru)

Хроленко Татьяна Сергеевна – студент 2 курса магистратуры по программе «Социальная демография» Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ORCID ID: 0000-0003-3049-3515) (e-mail: tatkhrolenko96@yandex.ru)

Population Ageing: Demographic Security Threat or Silver Industry Development Potential

A.S. Zueva, T.S. Khrolenko

Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory str., 1, Moscow, Russian Federation, 119991

The authors grasped the crucial points of such demographic phenomenon as population ageing and defined the most important consequences for the economy of the country on the increase in the proportion of older persons. On the one hand, population ageing is noted as Russian demographic security threat. On the other hand, the international experience of the formation of the silver industry and focused on a certain category of older citizens economy are noticed. Prospects of development of the market of services for pensioners are estimated.

Keywords: demographic security; incomes of pensioners in Russia; measurement and dynamics of population ageing; silver industry; silver revolution; silver economy; demographic security threats

REFERENCES

- [1] World Population Ageing 2019: Highlights. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WorldPopulationAgeing2019-Highlights.pdf>. Accessed: 14.06.2019/
- [2] Rybakovskij L.L. Demograficheskaya bezopasnost': populyacionnye i geopoliticheskie aspekty / RAN. In-t social. -polit. issled. M., 2003.
- [3] Zakon Respubliki Belarus ot 04.01.2002 № 80-Z «O demograficheskoy bezopasnosti Respubliki Belarus. URL: <http://levonevski.net/pravo/norm2013/num48/d48510.html>. Accessed: 14.06.2019.
- [4] Starenie. Organizaciya obedinenny`x nacij. URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/ageing/>. Accessed: 14.06.2019.
- [5] United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Ageing 2019: Highlights (ST/ESA/SER.A/430). URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WorldPopulationAgeing2019-Highlights.pdf>. Accessed: 14.06.2019.
- [6] Kalabihina, I., Krasovskaya, N., Kalmykova, N. Demograficheskoe starenie v Respublike Belarus: vyzovy i novye vozmozhnosti: Analiticheskii obzor / I. Kalabixina, N. Krasovskaya, N. Kalmy`kova; Proekt «Podderzhka realizacii Nacional`noï programmy` demograficheskoi bezopasnosti Respubliki Belarus». Minsk: Belse`ns, 2018. 47 s. : il.
- [7] Silver Economy Study: How to stimulate the economy by hundreds of millions of Euros per year. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/silver-economy-study-how-stimulate-economy-hundreds-millions-euros-year>. Accessed: 14.12.2019.
- [8] Oficialnyj sajt internet-servisa Care.com. URL: <https://www.care.com/>. Accessed: 14.06.2019.

- [9] Kolichestvo pensionerov v Rossii po itogam 2018 goda. URL: <https://pensiolog.ru/articles/kolichestvo-pensionerov-v-rossii/>. Accessed: 14.06.2019.
- [10] Oficialnyj sajt Rosstata Rossii. URL: <https://www.gks.ru/>. Accessed: 14.06.2019.

Information about the authors:

Zueva Anna Sergeevna – PhD in Economics, Associate Professor at the Department of Computer Law and Information Security of the Higher School of State Audit (Faculty) of Lomonosov Moscow State University. Leninskie gory, 1/13, 4 educational building, office number 271a, Moscow (Russian Federation). (ORCID ID: 0000-0003-4703-6679) (e-mail: dgastin@mail.ru)

Khrolenko Tatiana Sergeevna – student of 2 year of magistracy “Social Demography” of Higher School of Modern Social Sciences (Faculty) of Lomonosov Moscow State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-3049-3515) (e-mail: tatkhrolenko96@yandex.ru)

DOI: 10.22363/2312-8313-2019-6-3-243-250

Научная статья

Зарождение и становление социально-экономических отношений между Россией и Арменией

В.В. Сафарьян

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Данная статья, приуроченная к 190-летней годовщине присоединения Западной Армении к Российской империи, нацелена на то, чтобы обратить внимание на монументальность этого исторического события, характеризующегося всесторонним развитием российско-армянских отношений, сфокусировать внимание на таких важных аспектах, как возможность нахождения компромиссов в процессе союзных объединений во благо дальнейшего сотрудничества, построение совместных социально-экономических шагов, развития общего культурного наследия, обороноспособности и т.д. Важной частью статьи является рассмотрение эволюции российско-армянских отношений до начала 21 века включительно, выделяются основные вехи и события, повлиявшие на рассматриваемые отношения.

Ключевые слова: российско-армянские отношения, присоединение Западной Армении к Российской империи, взаимодействие, интеграция

История российско-армянских отношений насчитывает много веков, а предпосылки их возникновения уходят вглубь тысячелетий. В качестве основных можно выделить следующие: происхождение (индоевропейская языковая общность), геополитическое положение (узел европейско-азиатских противоречий), общая религия (христианство), общность интересов в борьбе с внешними врагами.

Более шести тысячелетий назад огромные просторы Европы и Азии были заселены индоевропейцами, которые говорили на одном языке. В 4–3 тысячелетиях до н.э. общность индоевропейцев стала распадаться, и в процессе длительного развития на огромных территориях Евразии сложились народы, говорящие на индоевропейских языках. Армянский народ составил восточ-

© Сафарьян В.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ную группу этих языков, а далекие предки русской народности вошли в славянскую группу индоевропейских языков, локализовались Центральной и Восточной Европе.

С древнейших времен по территории Армении проходили торговые пути с Запада на Восток и с Востока на Запад, следствием чего было не только установление торговых связей, но и привлекательность этой территории для внешней агрессии. Географически это ключевое положение Армении можно охарактеризовать по оси «Северо-Запад – Юго-Восток». Для русской же государственности, с момента ее возникновения, это направление было выражено строго по оси «Запад-Восток».

Ключевыми датами религиозной предпосылки тесных русско-армянских отношений стали 301 и 988 годы, когда христианство стало официальной религией Армении и Киевской Руси соответственно. Общая религия способствовала развитию армяно-русских культурных отношений. Имеются свидетельства об армянских архитекторах, каменщиках, скульпторах и даже врачах, которые работали в Киевской Руси [1]. Развивались и культурные связи. В XII–XIII веках с армянского на русский и с русского на армянский были переведены несколько значительных работ того времени. К примеру, на армянский язык было переведено повествование о жизни и гибели первых русских святых Бориса и Глеба [2. С. 111–112].

Первым общим внешним врагом для Армении и Руси в начале XIII века стала держава Чингисхана, которая, подобно хищному зверю, терзала огромные пространства Азии и восточной Европы. В эпоху зрелого средневековья определились контуры новой грозной силы в лице султанской Турции и Персии, которые положили конец независимой Армении, а позже стали противниками расширяющегося русского государства на его южных границах. Слабеющей Иран и в особенности Турция использовались европейскими государствами, прежде всего Англией и Францией, для сдерживания и возможного ослабления влияния России на Юге.

Как уже было сказано, история русско-армянских отношений насчитывает много веков и начинается после образования государственности у восточных славян в конце девятого века. В это время между древнерусским и армянским народами возникают и развиваются разнообразные экономические и торговые отношения. Через территории Армении и Киевской Руси проходили важные торговые пути, а их столицы, Киев и Двин, были крупными торгово-ремесленными центрами Востока Европы. Армянские купцы начинают посещать крупнейшие города Древней Руси, приезжая через территорию Византии, а позже и через Крым, где на то время одним из наиболее важных для армянских купцов был торговый центр – город Судак. Эта торговая община играла значительную роль в торговых отношениях с древнерусскими землями. Сведения об армянских торговцах в Киеве упоминает Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» [3. С. 201]. Позже возникает новая армянская община из купцов, получивших разрешение на постоянное проживание в Киеве.

Утверждение христианской веры на Руси открывает широкие возможности для установления и укрепления церковных связей. Имеются сведения о собрании армянских священников с представителями русской церкви, которое состоялось в Киеве в 1157 году [4. С. 284]. Изображения армянских святых Григория Просветителя и Святой Рипсима встречаются на фресках церкви Спаса на Нередице [5. С. 5, 8]. В Киеве и Новгороде действовали армянские церкви.

Вслед за церковными развиваются и русско-армянские культурные отношения. В древних источниках есть сведения об армянских врачах, работавших в Киевской Руси, один из которых лечил самого Владимира Мономаха и его бояр [6. С. 293].

Новая фаза развития торгово-экономических отношений русского и армянского народов наступает в период Московской Руси. Быстро развивающиеся торговые центры Новгорода, Твери, Суздаля, Владимира и, собственно, Москвы привлекают армянских купцов. Армянские купцы и ремесленники, разглядевшие расширяющиеся возможности нового центра русских земель, оседают в Москве. В дальнейшем они оказали влияние на установление торговых связей молодого Московского государства с важнейшими торговыми центрами Востока. Так, например, академик М.Н. Тихомиров отметил [7. С. 142] значительную роль армянского купечества в осуществлении торговой связи по Волге Москвы с Золотой Ордой, Персией и Закавказьем.

Развитие культурно-экономических связей русского и армянского народов происходит на фоне диаметрально противоположных процессов в их государственности со второй половины XIV века. Куликовская битва дала мощный импульс «собираанию» Русских земель вокруг Москвы, завершившийся на рубеже XV–XVI веков образованием мощного государства, расширявшего свою территорию и влияние в XVI и XVII веках.

Армения же во второй половине 14 века полностью утрачивает свою государственность, становясь ареной завоеваний войсками Тамерлана, а затем Ирана и Турции. К середине XVII века Персия и Османская империя окончательно разделили между собой территорию Армении на две части: Восточную (к Турции) и Западную (к Ирану). Чтобы спасти себя от угрозы полного уничтожения, армянский народ старался вести освободительную борьбу, но без помощи извне это было слишком трудной задачей. В этой ситуации с конца XVII века взоры народа Армении были с надеждой обращены в сторону России. «Нет у нас иной надежды, мы надеемся на бога и твою страну» [8. С. 166]. С этого времени армянская светская и религиозная элиты окончательно переориентировались на Россию. Северная война, а затем наступивший после смерти Петра I затянувшийся период дворцовых переворотов помешали началу осуществления этих планов. Условия для возвращения к планам освобождения армянского народа от персидских ханов и турецких пашей сложились во второй половине 18-го века. Деятели армянского освободительного движения ведут переговоры с представителями Российской им-

перии, которая в результате двух победоносных войн с Турцией значительно расширила свои южные территории, присоединив Крым, Кубань, взяла под свой протекторат Восточную Грузию. В результате все необходимые предпосылки для вхождения Восточной Армении в состав России были созданы. Реальная возможность реализации этих планов возникла после второй русско-персидской войны начала следующего века, которая завершилась в 1828 году подписанием Туркманчайского мирного договора.

В марте этого же года из трех вышеуказанных территорий Восточной Армении, вошедших в состав Российской империи, была образована Армянская область. Следствием этого стало массовое переселение сюда армян из Персии и Турции при содействии русского правительства. Сухая статистика выразительно подтверждает этот факт: количество населения Армянской области увеличивалось в геометрической прогрессии от 168530 в 1832 году до 739 900 в 1897 году и 1014255 в 1914 году [9. С. 302].

Вхождение Восточной Армении в состав Российской империи открыло новый этап истории русско-армянских отношений. Несмотря на то, что данное событие стало результатом завоевательной политики России, в исторической перспективе этот процесс был прогрессивным. Находиться под невыносимым религиозным гнетом на грани полного физического уничтожения или освободиться от турецко-персидского ига с помощью России и признать власть Российской империи – таков был выбор, стоявший перед народом Армении. Избрав второй вариант, армянский народ получил возможность спокойно развиваться, а Россия, в свою очередь, окончательно закрепила в Закавказье.

Ускоренное строительство дорог, ставшее возможным после окончания Кавказской войны, дало мощный импульс расширению экономических связей Восточной Армении с другими регионами России. В 60–70 годы 19 века были построены и реконструированы дороги Тифлис – Ереван – Александрополь (в советское время – Ленинакан, ныне Гюмри) – Горис, в конце 19 – начале 20 веков проложены железнодорожные пути Тифлис – Ереван – Джульфа, Баку – Тифлис – Батуми. Таким образом, Восточная Армения все глубже вовлекалась в сферу капиталистических экономических отношений Российской Империи. Этому в значительной мере способствовал русский капитал, который втягивал Кавказ в товарное обращение, разрушая остатки патриархальной замкнутости путем создания рынков для фабрик и заводов. Дальнейшему углублению капиталистических отношений способствовала Крестьянская реформа, проведенная в Эриванской губернии «Положением от 14 мая 1870 года». Сложившиеся условия для проникновения иностранного капитала. Так, в медиплавильной промышленности Алаверди и Кафана немалая доля была представлена французским и греческим капиталом. Концу 19-го века в Восточной Армении промышленность была представлена в основном предприятиями по переработке.

В этот период все еще сильно ощущалось давление со стороны Османской империи. Главным препятствием в осуществлении ее планов была Россия. Как и в предшествующих русско-турецких войнах, в составе русской армии на Кавказском фронте сражались добровольческие отряды армянского народа. Основное направление развития в этот период концентрировалось в сфере сельского хозяйства: обработка кожи, хлопка, производство вина, коньяка из различных ингредиентов (виноград, абрикос, шелковица). Так, в 1896 году здесь было произведено 546000 ведер вина, а в 1890 – 580000 пудов хлопка [10].

В 20 век Армения вошла разделенной на две части. В Восточной Армении шли прогрессивные процессы, непосредственно обусловленные общим развитием России. Западная Армения томилась под деспотическим османским игом. Первая мировая война, в которой Россия и Турция выступили в составе противоположных военных блоков, давала теоретическую возможность воссоединения армянских земель. Турция надеялась в этой войне реализовать идею пантюркизма – соединение тюркоязычных народов в рамках одного государства. С другой стороны, армянский народ питал надежды на освобождение Западной Армении и спасение от истребления ее населения. По итогам военных действий Турция практически лишилась территории Западной Армении. В этой ситуации младотурецкое правительство в апреле 1915 года организовало массовое истребление армянского населения не только в Западной Армении, но и по территории всей Османской империи. Таким страшным путем младотурки надеялись навсегда покончить с армянским вопросом. Жертвами этого сурового преступления, организованного турецкими властями, стали около полутора миллиона человек. Благодаря помощи русских войск многим западным армянам в годы Первой мировой войны удалось спастись от резни, перебравшись в Восточную Армению. Количество переселенцев в течение 1914–1916 годов составило свыше 350.000 человек [11. С. 207].

30 декабря 1922 года возникло новое государство – Союз Советских Социалистических Республик, частью которого стала Армения сначала в составе ЗСФСР, а затем на правах отдельной Армянской ССР. Наиболее тесными за всю историю своего развития русско-армянские отношения были именно в этот советский период.

Последней проверкой и показателем подлинной дружбы и интернационализма армянского и всех других народов СССР стало страшное землетрясение, произошедшее в Армении 7 декабря 1988 года, унесшее жизни более 25000 человек. Практически полностью был разрушен Спитак, большая часть Ленинакана, серьезно пострадали Кировакан, Степанаван и еще более 300 поселений. Более полумиллиона людей остались без крова над головой. В спасении людей, помощи пострадавшим, разборах завалов, восстановлении разрушенных городов и районов активно участвовали добровольцы из всех союзных республик. Был организован сбор средств и пожертвований, в которых приняло участие практически все население страны.

Итогом стремительных событий 1991 года стало прекращение существования СССР как единого государства. В итоге последняя страница в совместной русско-армянской государственности была закрыта 21 сентября 1991 года, когда по итогам референдума была образована Республика Армения.

С декабря 1991 года Армения и Россия являются членами Содружества Независимых Государств, которое было образовано бывшими республиками СССР с целью сотрудничества в областях экономики, политики, культуры, экологии, развития общего экономического пространства и взаимодействия в широком спектре иных сфер. Это можно считать началом нового этапа экономической связи России и Армении, которые неуклонно расширяются и углубляются, что находит отражение в росте товарооборота.

Россия является наиболее крупным инвестором в экономику Армении. Наибольший объем российских капиталовложений отмечается в сфере энергетики, где в частичной и даже полной собственности или управлении находятся такие важнейшие объекты этого комплекса, как армянская АЭС, Разданская ТЭС, Севано-Разданский каскад ГЭС, «АрмРосГазпром». К числу других отраслей вложения российского капитала относится металлургическая, банковская, строительная сфера, а также транспорт. Важным сегментом экономического сотрудничества Армении являются двусторонние межрегиональные отношения, которые установлены 70 субъектами РФ. Наглядным свидетельством расширения экономических связей двух республик является подписание серии документов о взаимном сотрудничестве в 2017 году, открывающих широкие перспективы их дальнейшего углубления.

Отдельно хотелось бы отметить, что 30 ноября 2006 года между военными министрами двух стран подписано соглашение об образовании объединенной группировки России и Армении на Кавказе. Это открывает возможности для более тесного взаимодействия двух стран в военно-стратегической сфере. Это направление подкрепляют политические лидеры России и Армении, постепенно отмечающие важность армяно-российского стратегического партнерства и укрепление союзнических отношений.

В результате рассмотрения этапов развития русско-армянских отношений выявлено, что на каждом из них в качестве определяющих выступали разные сферы взаимодействия – от экономических на ранних этапах до политико-дипломатических с начала XVIII века, завершившихся вхождением Армении в состав Российской империи в 1828 году. Этот период нахождения Восточной Армении в составе Российской империи явился залогом еще более тесного и уже равноправного сотрудничества в едином советском государстве, распад которого в 1991 году открыл новую страницу партнерского взаимодействия в рамках дружественных государств.

В результате рассмотрения армяно-российских отношений на современном этапе установлено, что ведущим фактором единства двух государств является общность их геополитических интересов, исторически сложившиеся культурные, религиозные, экономические и другие связи. Однако использование потенциала этих факторов возможно только при сохранении преемственности исторической памяти в рамках системы образования, процесса

социализации, научного осмысления рассматриваемых в данной статье проблем. Эти аспекты особенно актуальны в условиях быстро меняющегося мира, появления новых социальных и экономических кризисов, рисков и угроз, требующих взаимодействия наших стран. Это и проблема признания мировым сообществом геноцида армянского народа турками и проблемы между странами Кавказского региона и новые угрозы, связанные с обострением обстановки на Ближнем Востоке, ростом террористической активности, новыми потоками миграции и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Халпахчян, О.Х. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. Ереван, 1957. С. 19–20
- [2] Меликсет-Бек Л. Древняя Русь и армяне. Хачикян Л. Новые материалы о древней армянской колонии Киева в сб. ИСД. 1961. С. 111–112.
- [3] Карамзин Н.М. История государства Российского. т. 3, СПб: Военная типография Главного штаба Его Императорского Величества. 1816. 582 с.
- [4] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. ч. II, М.: Книга по Требованию. 2011. С. 284.
- [5] Успенский А.И. Фрески церкви Спаса Нередицы. Москва, 1910. С. 5–8.
- [6] Тихомиров М.Н. Древнерусские города, Москва, 1956. 293 с.
- [7] Тихомиров М.Н. Древняя Москва. Москва, 1947. С. 142.
- [8] История армянского народа (С древнейших времен до наших дней) / под ред. М.Г. Нерсисяна, Ереван: Изд-во Ереванского университета. 1980. 458. с.
- [9] Григорян З.Т. Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение. Ереван, 1978. 302 с.
- [10] Страницы из новой истории армянского народа / М.Г. Нерсисян, Ереван: Изд-во АН АрмССР. 1982. 406 с.
- [11] Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов; ред. Нерсисян М.Г. Ереван: Айаста, 1983. 207 с.

Информация об авторе:

Сафарьян Валерий Витальевич – бакалавр 4 курса кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (РУДН). (ORCID ID: 0000-0001-7129-3531) (e-mail: safarian1999@mail.ru)

Research article

The Origin and Formation of Socio-Economic Relations Between Russia and Armenia

V.V. Safaryan

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university)

This article, dedicated to the 190th anniversary of the accession of Western Armenia to the Russian Empire, is aimed at drawing attention to the monumentality of this historical

event, characterized by the comprehensive development of Russian-Armenian relations. It focuses on such important aspects as the possibility of compromises in the process of allied associations for the benefit of further cooperation, the construction of joint socio-economic steps, the development of a common cultural heritage, defense, etc. An important part of the article is the consideration of the evolution of Russian-Armenian relations up to the beginning of the 21st century including the main milestones and events that influenced the relations under consideration are highlighted.

Keywords: Russian-Armenian relations, the accession of Western Armenia to the Russian Empire, interaction, integration

REFERENCES

- [1] Halpahch'jan O.H. Armjano-russkie kul'turnye otnoshenija i ih otrazhenie v arhitekture. Erevan. 1957. S. 19–20
- [2] Melikset-Bek L. Drevnjaja Rus' i armjane. Hachikjan L. Novye materialy o drevnej armjanskoj kolonii Kieva v sb. ISD. 1961. C. 111–112.
- [3] Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo, t. 3, SPB: Voennaja tipografija Glavnago shtaba Ego Imperatorskago Velichestva. 1816. 582 s.
- [4] Sobranie aktov, odnosjashhihsja k obozreniju istorii armjanskogo naroda. ch. II, M.: Kniga po Trebovaniju. 2011. S. 284.
- [5] Uspenskij A.I. Freski cerkvi Spasa Neredicy, Moskva. 1910. S. 5, 8.
- [6] Tihomirov M.N. Drevnerusskie goroda, Moskva. 1956. 293 s.
- [7] Tihomirov M.N. Drevnjaja Moskva. Moskva. 1947. S. 142.
- [8] Istorija armjanskogo naroda (S drevnejshih vremen do nashih dnejj) / pod red. M.G. Nersisjana, Erevan: Izd-vo Erevanskogo universiteta. 1980. 458 s.
- [9] Grigorjan Z.T. Prisoedinenie Vostochnoj Armenii k Rossii i ego istoricheskoe znachenie. Erevan, 1978. 302 s.
- [10] Stranicy iz novej istorii armjanskogo naroda / M. G. Nersisjan, Erevan: Izd-vo AN ArmSSR. 1982. 406 s.
- [11] Genocid armjan v Osmanskoj imperii. Sbornik dokumentov i materialov'; red. Nersisjan, M.G. Erevan: Ajasta. 1983. 207 s.

Information about the author:

Safarian Valery Vitalevich – 4nd year bachelor student of the Department of Public Administration of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). (ORCID ID: 0000-0001-7129-3531) (e-mail: safarian1999@mail.ru)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
